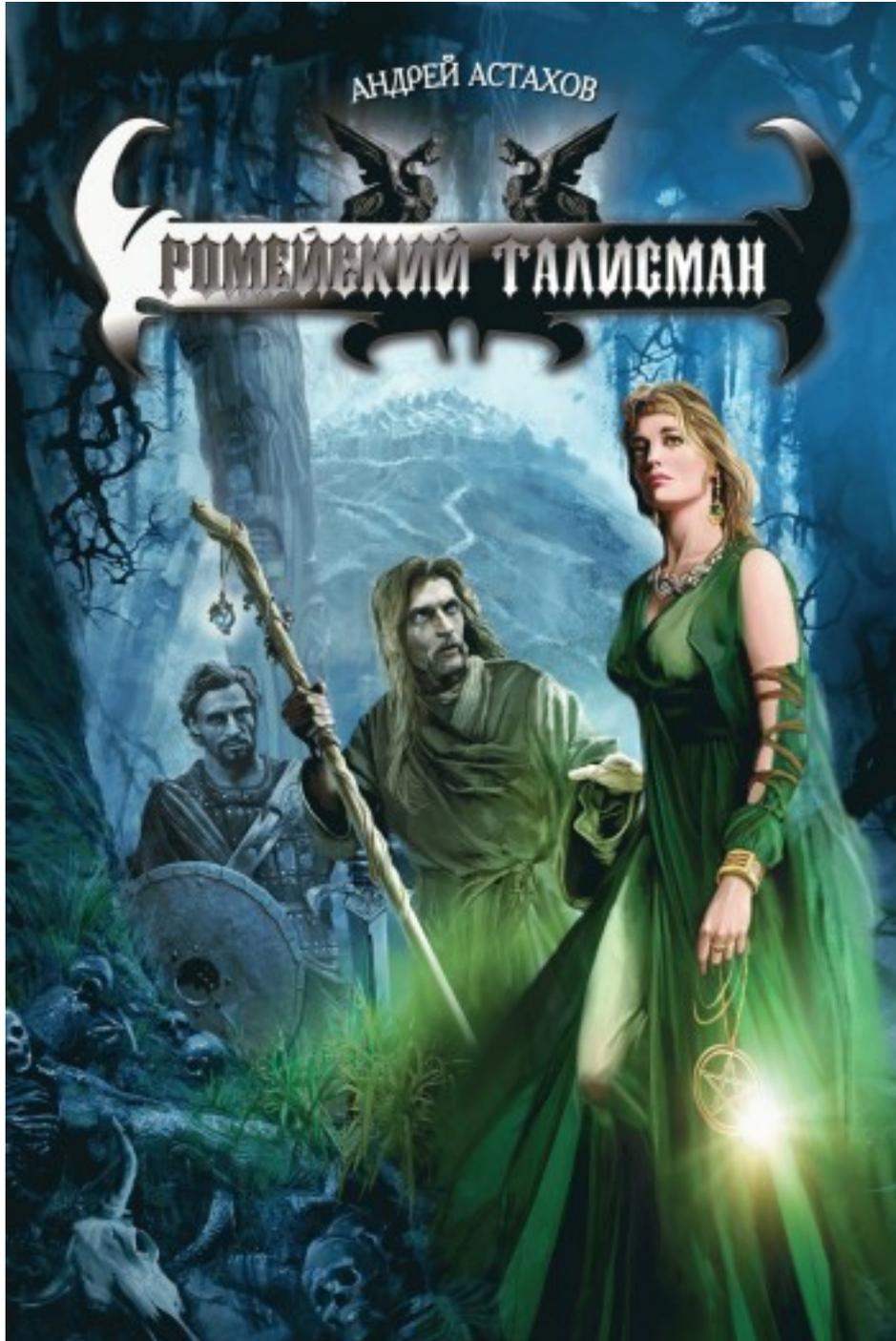

АНДРЕЙ АСТАХОВ

РОМЕЙСКИЙ ТАЛИСМАН

Андрей Астахов
Ромейский талисман

«Лениздат»

2008

Астахов А.

Ромейский талисман / А. Астахов — «Лениздат», 2008

Еще недавно славянские племена были легкой добычей для своих алчных и воинственных соседей. Но пришел опытный и жестокий князь, сподвижник Рюрика-новгородца Олег, и врагам Руси пришлось несладко. Отчаявшись покончить с крепнущей Русью при помощи меча, враги Русского государства используют древнюю черную магию. И потому будущее Руси теперь зависит только от одного человека – от женщины, в жилах которой течет кровь новгородского волка Рюрика. От той, кому богами предопределено править этой землей От псковской девушки по имени Ольга. Только ей по силам остановить бедствия, которые принес на русские земли сделанный византийцами молодому князю Ингвару коварный подарок. Спасти Русь и выжить самой в смертельном противостоянии с пущенными по ее следу хазарскими Гончими смерти.

© Астахов А., 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

Начало	5
Часть I	7
I	7
II	16
III	23
IV	27
Часть II	31
I	31
II	35
III	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Астахов

Ромейский талисман

*Девушке с таинственным именем Ольга в память о незабываемой
московской осени 1989 года*

Начало

Я долго ждал, когда наступит этот день – двенадцатый день месяца просинца,¹ года 6499 от сотворения мира, или, от Рождения Христова, года 990. В это утро мне, смиренному иноку Константину, в язычестве Некрасу, исполнилось сто лет. Неведомо, за какие заслуги Господь даровал мне долгую жизнь, хотя и чудеса языческие сыграли в этом немалую роль – о том я поведаю дальше. Но сегодняшней день знаменателен для меня и по другой причине. Вчера я закончил повесть, которую писал с позапрошлого Крещения изо дня в день. Ибо я последний из живущих, кто помнит времена славного князя Хельгера Вещего, победителя хазар, венгров и ромеев, и в своей повести я рассказываю о тех далеких днях. Но не о Хельгере мой труд. Другой летописец опишет дела отважного и жестокого преемника Рюрика. Моя книга о той, которая стала первой женщиной, правившей этой землей, и первой святой, просиявшей в ней. Эта книга – об Ольге.

Много дней и ночей я провел с пером в руке, припоминая и описывая те удивительные, уму человеческому непостижимые события, которые мне пришлось пережить в те далекие дни, когда Ольга еще не была женой Ингвара, полагаемого всеми за сына Рюрика великого князя киевского, а всего лишь простой девушкой из псковской земли. По совести сказать, неведома мне была тогда тайна ее рождения. Теперь подошло время поведать о тех событиях миру. Хвала Господу, разум мой, несмотря на прожитые годы, сохранил свою ясность, и я могу ныне вспомнить все, что случилось в лето 905 от Рождества Христова, в то благословенное время, когда мне было всего пятнадцать лет от роду, а Ольге – шестнадцать. Вспомнить и перенести на листы харатки, чтобы сохранилась правда, когда меня не станет.

Этой ночью я видел сон, который еще раз убедил меня, что я правильно поступил, решившись написать повесть о юности Ольги. Приснилось мне, будто я снова оказался в своей родной деревне Выбуты близ Пскова и стою на берегу речки, которая впадает в реку Великую и которую мы называли Змейкой. И недалеко от меня – узкий деревянный мостик, под которым мы в детстве любили прятаться и в сыром полумраке рассказывать друг другу дивные истории о мавках и лесных духах. И будто бы на дворе лето, и согретые солнцем луга по берегам Змейки пестреют цветами, и птицы поют в ракитнике так весело и звонко, что хочется петь вместе с ними. И вижу я, как по противоположному берегу Змейки бежит девушка в холщовой тунике, босая, с распущенными волосами, светлыми и мягкими, будто трепаный лен. Стройная, тоненькая, загорелая. И глаза у нее не голубые, не серые, как у прочих девушек в нашей деревне, но медово-золотистые, янтарные, будто сам Ярила живет в них.

– Некрасушка! – Она смеется и машет мне рукой. – Некрасушка!

– Олюшка! – кричу я ей в ответ, и на душе у меня внезапно становится легко и хорошо. – Хорошая моя! Как же давно я тебя не видал!

– Ой, давно! – Она снова смеется, всплеснув руками, смотрит на меня ласково и нежно. – А ты так изменился, тебя и не узнать!

– Зато ты все та же. Поверить в то дивно, какая была, такая и осталась. Ты ли это?

---

¹ Просинец – январь.

– Вбыль² я, – смеется она, и ее звонкий смех разносится над лугом, сливаясь с птичьим пением. – Хороша ли?

– Как хороша! Я ведь до сих пор только тебя люблю.

– Я знаю. Некрасушка, хороший мой, я ведь скучаю без тебя...

Я со слезами на глазах бегу к мостику, чтобы перейти на другую сторону речки, чтобы прижать к груди свою ненаглядную и заглянуть в ее удивительные глаза, искрящиеся солнечным огнем, но только исчезает мой золотой летний сон, и я просыпаюсь, и вижу свою келью, теплый огонек лампадки под святыми иконами и маленькое окошко, за которым чернеет студеная зимняя ночь. Я снова остаюсь наедине со своей старостью, недугами и воспоминаниями.

Знаю я, что сон сей – вещий. Уже немного мне осталось ждать, скоро раб Божий Константин окончит свое земное поприще, пройдет по Калинову мосту и встретится с той, кого любил все эти долгие годы, чтобы уже никогда не разлучаться. Вместе с Ольгой я принял веру в Иисуса Христа, а как почил она двадцать и один год тому назад, ушел от мирской суеты в эту обитель, первую в этой земле, и стал иноком Константином. Есть ли в моей любви что-нибудь греховное? Того не знаю. Может статься, придется мне ответить за нее перед Господом в Судный день. Не в любви моя вина, а в том, что до сего дня, верный когда-то принятой клятве, никому не рассказал я об этой любви.

Сегодня после заутрени за моей повестью придет отец-игумен. Чаю, что не по своей воле поручил мне преподобный написать эту книгу, что это повеление от самого князя киевского Владимира, внука Ольгиного. Хочет князь, чтобы явилось миру житие первой русской святой, такое же, какие о своих святых подвижниках и угодниках пишут греки. Нужно ли знать князю о моей любви к той, кого должно почитать не только как жену княжеской крови, но и как святую? И без того боюсь я, что описанное мною может рассердить отца-игумена, и тогда мой труд окажется пустой тратой времени – строки мои смоят с пергамента, и погибнет книга, созданная иноком Константином для будущего читателя. Но и таиться дольше не могу – тяжело уходить в Царствие Божие, не рассказав правды. Ведь книга эта – моя исповедь. Ибо придут после меня летописцы, искушенные в словесном деле, опишут в своих трудах великие дела, совершенные княгиней Ольгой, расскажут о том, как она по смерти мужа своего правила Киевской землей и, по обыкновению всех сочинителей, приврут немало ради красного словца. Но кто поведаст об испытаниях, которые прошла девушка из псковской деревни прежде чем стать правительницей Русской земли? И кто вспомнит о тех, кто в те дни был рядом с ней и со мной – о Давиде-армянине, о Владе Вороне, о Ворше, об Ивке? Моя книга и о них тоже. Их давно уже нет, а я еще жив, стало быть, мой это долг напомнить о них. Я был рядом с ними в те дни, видел все своими глазами. Может, для того Господь и одарил меня долголетием, чтобы сумел я сохранить для потомков наших эту повесть.

Сказ о юности великой княгини Ольги.

Историю о великих испытаниях и подвигах.

Повесть о моей единственной любви. Ибо проходят день и ночь, и год проходит за годом, рождаются и гибнут царства, и даже письменна, высеченные в камне, стираются Временем. Только любовь живет вечно. Пусть она продолжает жить в правдивых строках моего повествования.

---

² Вбыль (диал.) – Правда, верно.

Часть I Заговор

I

Солнце начало клониться к закату, когда одиннадцать всадников выехали на вершину плоского глинистого холма. С этой точки безжизненная сожженная солнцем степь с возвышающимися над ней курганами просматривалась до самого горизонта. Отсюда тропа вела вниз, по заросшему ковылем склону к входу в ущелье, узкому, как горло дракона. Эзер-эльтебер³ ощутил, как холодок пробежал по его спине. Цель восьмидневного пути по безжизненной степи была перед ними, но это не радовало – пугало. Он тщательно скрывал свой страх, но самому себе не солжешь. Он боялся того, что ожидало его в этой долине, и на то у Эзер-эльтебера были причины.

Когда десять дней тому назад его вызвали во дворец Кагана, Эзер-эльтебер даже не предполагал, какое поручение даст ему Ослепительный Наран-Итиль Аарон. Когда же Каган объявил ему свою волю, Эзер-эльтебер едва не лишился чувств прямо у престола правителя. То, чего потребовал от него Каган, было делом неслыханным. Однако живому Богу Хазарии не говорят «нет». Эзер-эльтебер сказал «да» и пал ниц у ног Кагана. В это мгновение он подумал, что уже мертв, тем не менее отправился домой, чтобы собираться в путь. По дороге зашел в харчевню у главного рынка выпить вина – от пережитого ужаса его ноги отказывались идти и внутренности шевелились, будто в утробе ползали змеи. Он попросил вина, выпил большую чашу, потом потребовал вторую. И вот тут...

– Господин?

Эзер-эльтебер вздрогнул. Командир его воинов-арсиев,⁴ араб Мерван, был, как всегда, рядом и теперь ожидал приказа. Степная пыль так покрыла его лицо и одежду, что Мервана можно было бы принять за глиняного идола, оседлавшего коня. Остальные арсии выглядели не лучше своего командира.

– Господин? – повторил араб.

– Мы приехали, – ответил Эзер-эльтебер. – Вот она, Тропа Мертвых.

Все верно, это именно то место. Так обозначено на карте, по которой он все эти восемь дней вел свой маленький отряд. Тогда, в харчевне, он едва успел пригубить вторую чашу вина, когда будто из-под земли появился этот старик. Одному Всевышнему известно, откуда он взялся. Эзер-эльтебер даже не удивился, что старик вступил с ним в разговор. И сотник все ему рассказал. Поведал о сне, который приснился Кагану, хотя делать этого не имел права, о приказе Ослепительного и о том, с кем правитель хранимой Богом Хазарии повелел ему встретиться, чтобы истолковать этот сон. Старик будто и не удивился словам молодого сотника, лишь покачал головой и заметил:

– Порученное тебе дело трудное и опасное. Однако все знают, что нет в Итиле, да и во всей Хазарии воина храбрее, чем Эзер-эльтебер. Око Кагана не случайно увидело тебя, не из пустой прихоти он пожелал, чтобы ты прошел Тропой Мертвых. Я помогу тебе. Это сейчас я дряхлый старец, а когда-то водил караваны по степи и в Булгарию, и на Русь, и в страну буртасов, и в земли, что лежат восточнее Хазарского моря. Мне ведомо место, о котором ты говоришь.

---

³ *Эльтебер* – титул родовой аристократии у тюрков.

⁴ *Арсии* – наемные воины у хазар.

Старик нарисовал ему карту на куске кожи. Карта поначалу показалась Эзер-эльтеберу набором бессмысленных каракулей, но старик объяснил значение каждого изображения на ней, и уже в пути сотник убедился, что память старому караванбаши не изменила – его карта оказалась удивительно точной, ни разу они не сбились с пути, не плутали по степи, выписывая бессмысленные круги, точно напуганные зайцы, без труда находили и колодцы, и удобные места для ночлега. Бог Моисея был милостив к ним, они добрались до цели своего путешествия. Теперь оставалось самое трудное и опасное – встретиться с хозяином этой долины.

О Черном шамане Эзер-эльтебер слышал еще в детстве. Говорили, что раньше он время от времени появлялся в Итиле, и всякий раз после его прихода следовали большие несчастья. Никто даже не мог сказать, как на самом деле зовут Черного шамана. Одни говорили, что его имя Араха, другие – что Кара-хазрат, Черный господин. Были и те, кто считал старика самым Эрликом, богом подземного мира. Ходили слухи, что даже Каганы Хазарии часто обращались к нему за помощью, однако потом один из правителей, разгневавшись на колдуна, изгнал его из Итиля и под страхом смерти запретил появляться в кочевьях. Колдун исчез, и много лет о нем не было никаких известий. Вот только изгнавший его Каган вскоре после этого умер внезапно и в страшных мучениях...

– Господин, – ворвался в мысли Эзер-эльтебера голос Мервана, – наступает время вечернего намаза. Люди должны молиться.

– Воистину. Отдай приказ спешиться.

Хазарин сидел в седле и наблюдал, как арабы чинно и привычно расстилают молитвенные коврики на гладкой глине такыра, становятся на колени, выполняют поклоны и шепчут слова молитвы. Еще недавно мусульман в Хазарии было немного, теперь же число их быстро возрастало, и сам Каган покровительствовал им – может быть, потому, что мечтал пополнить в свою армию как можно больше арабских наемников. Эзер-эльтебер с уважением относился к мусульманам вообще и к арабам в частности, хотя в его семье давно приняли Закон Моисея, следуя в том Солнцу Хазарии, Шад-Хазару Наран-Итилю, Великому Кагану. С тех пор как Эзер-эльтебера зачислили в регулярную гвардию Кагана, молодой хазарин близко познакомился с арабами-арсиями, с их обычаями и способами ведения боя и пришел к убеждению, что нет во Вселенной воинов лучше арабов.

К своим соплеменникам хазарам Эзер-эльтебер относился с презрением, считал их скверными бойцами. Что кара-хазары, что ак-хазары понятия не имеют о воинской дисциплине, оттого в их храбрости нет никакого толку. Совершить внезапный наезд на земли руссов, мордвы или буртасов они могут, да и уйти от погони у них хорошо получается. А вот сражаться с хорошо вооруженным противником – это не для них. Как только натолкнутся на умелое и дружное сопротивление, сразу сбиваются в толпу, мешают друг другу и оттого даже свое численное преимущество не способны правильно использовать. В последнем походе Эзер-эльтебер не раз и не два видел, как маленькие отряды руссов без труда отбивали атаки хазар, которых было в пять-шесть раз больше. И штурмовать города хазары толком не умеют. А вот арабы – они настоящие воины! Храбрые, дисциплинированные, хорошо обученные, умеющие обращаться с любым оружием, будь то лук, копьё или меч. К счастью, и Каган это понимает, поэтому с недавних пор вводит в своем войске арабские правила ведения боя. Подумав о Кагане, сотник сразу помрачнел. Вокруг повелителя Хазарии ошивается немало лизоблюдов, но почему-то Ослепительный выбрал его, Эзер-эльтебера, для такого поручения. Верно, какой-нибудь сын свиньи и ишака нашептал Кагану его имя. Слишком быстро выбился Эзер-эльтебер из простых, хоть и родовитых воинов царской гвардии в сотники, и, хоть заслужил он эту честь своими подвигами во время последней войны с руссами, кому-то его возвышение не дает покоя. Дворец Кагана в Итиле полон роскоши и всевозможных диковинок, но еще больше в нем зависти, черной и жгучей, как горячая смола и ядовитой, как степные скорпионы...

Арсии закончили молиться, не спеша свернули свои молитвенные коврики, уложили их в седельные сумки. Прозвучали резкие отрывистые команды Мервана, и несколько мгновений спустя весь десяток был уже на конях. Эзер-эльтебер развернул карту. Теперь предстояло ехать вниз, с холма прямо по тропе к входу в долину. Дальше путь их пройдет по пересохшему руслу реки, которое приведет их к небольшому озеру в самом конце долины. Вода в нем горько-соленая, поэтому в долине нет ни деревьев, ни животных – все живое избегает этих мест. Не поэтому ли назвали это место Долиной Скорби?

Отряд двинулся вниз, по едва заметной тропинке, бегущей по склону холма к входу в долину. Эзер-эльтебер ехал впереди. Ему внезапно стало очень жарко, рубаха под кожаным панцирем взмокла, и поводья стали скользить в ладонях. Он оглянулся, пытаясь увидеть страх в глазах своих воинов, но арабы, если и боялись, все равно оставались невозмутимыми. Отличные воины, хорошо, что Каган позволил ему взять именно их.

Они въехали в долину. Здесь царил полумрак, отвесные глинистые стены нависали над тропой, угрожая обвалом. Высохшее русло реки было хорошо заметно на бесплодной глине. Поверхность глины была покрыта следами зверей, зачем-то забегавших в это пустынное место. Эзер-эльтебер смотрел на эти следы и пытался догадаться, какой зверь тут пробежал. Ему, опытному охотнику, это было нетрудно сделать. Вот след сайгака, рядом цепочкой протянулся след корсака – степной лисицы. А это отпечатки лап волка. Но волка ли? Уж больно крупный зверь тут побывал, таких волков в степях Хазарии отродясь не видели. И снова неприятным холодом обволокло сердце, суеверный страх ожил с новой силой. Одному Всевышнему известно, что их ожидает в конце этой мрачной долины. Его арсии, конечно, отличные воины, но и они всего лишь люди...

Солнце почти зашло за горизонт, облачное небо стало винно-красным, навстречу непрощеным гостям в долину ворвался резкий порывистый ветер, накрыв всадников облаками едкой соленой пыли. Кони зафыркали, захрапели, начали пятиться назад. На мгновение Эзер-эльтеберу показалось, что в вое ветра он слышит какие-то пронзительные нечеловеческие стоны, и его опять обдало жаром. Однако ветер стих так же внезапно, как и поднялся, а еще через мгновение пыль улеглась, и сотник увидел в нескольких саженях прямо перед собой соленое озерцо. По берегам его кругом стояли каменные столбы, каждый в три человеческих роста высотой, обтесанные кем-то так, что напоминали они человеческие фигуры – странные, безобразные, неуклюжие и вместе с тем величественные. Некоторые из этих каменных болванов были повалены и только частью торчали из окружавшего озеро безжизненного щебня. А еще на одном из идолов сидела большая степная сова и равнодушно наблюдала за горсткой нахальных людей, осмелившихся проникнуть в запретную долину. То, что пугливая птица не улетела и продолжала спокойно сидеть на каменном изваянии, показалось Эзер-эльтеберу дурным предзнаменованием.

– Господин? – услышал он негромкий голос Мервана.

– Остаемся в седлах, – так же вполголоса, почти шепотом скомандовал Эзер-эльтебер. – Оружия не обнажать, здешний хозяин не любит непочтительности.

– Здешний хозяин? – Мерван что-то проговорил по-арабски, подул себе за пазуху, потом добавил уже по-хазарски: – Это, наверное, сам Иблис. Только он может здесь жить.

– Однако сейчас мы в его руках.

– Я понял, господин.

Эзер-эльтебер посмотрел туда, где мгновение назад сидела сова, но птица исчезла. Его опять начал одолевать страх. В повисшем над озером молчании было что-то зловещее. Сумерки сгустились, и в долине стало совсем темно. Стоять на месте не имело смысла. У Эзер-эльтебера внезапно появилась мысль, что за озером должно что-то быть, какая-то тропа, которая поведет их дальше, к обители Черного шамана. Однако миг спустя его Каратемир испуганно заржал и попятился назад. Еще через секунду Эзер-эльтебер увидел, как один

из истуканов обзавелся густой черной тенью, а потом тень отделилась от камня и шагнула навстречу всадникам. Это был худой шуплый старик с иссохшим лицом, в широкой облезлой шубе и конической шапке, обвешанной металлическими и костяными амулетами. Эзер-эльтебер отчетливо услышал звон этих амулетов, когда старик вышел на тропу – значит, перед ним был не призрак. Потом послышался скрипучий тихий смех.

– Эзер-эльтебер! – Старик сложил руки на груди, покачал головой. – Я знал, что Каган пришлет именно тебя. Только настоящему воину дано пройти Тропой Мертвых.

– Каган прислал тебе почтительный привет и пожелание долгой жизни, Араха, – ответил сотник, не зная толком, как себя вести, спешиться или остаться верхом. – Я твой слуга, и я привез тебе дары от Ослепительного.

– Дары, кхе-кхе? Давно мне не подносили даров. Почет и уважение всегда приятны, кхе-кхе!

– Золотые слова. – Эзер-эльтебер все же спешился и, встав перед колдуном на колени, коснулся лбом холодной глины. – Прими же и мое почтение. Склоняюсь перед твоей мудростью, о Араха!

– Ты почтителен, – произнес шаман, и в его голосе прозвучало удовлетворение. – Это похвально. Гибкая спина спасает шею от острого железа. Я предсказываю тебе великое будущее, мальчик.

– Ныне мое будущее зависит от твоих слов, повелитель. Но сначала прими дары.

Колдун равнодушно наблюдал за тем, как арсии извлекают из переметных мешков и складывают к его ногам дары владыки Хазарии – штуки драгоценных персидских и индийских тканей, ларец тонкой работы с серебряными монетами, чеканную посуду, бронзовую курильницу для благовоний, сами благовония в дорогих шкатулках, искусной работы доску для игры в чатранж,⁵ вырезанную из слоновой кости, золотые цепи, кольца, браслеты и просто слитки золота и серебра. А потом он сказал:

– Каган выказал щедрость, и это мне по сердцу. Но я здесь не вижу дара, который был бы мне дороже всех этих золотых и серебряных безделушек.

– Какого же, о почтенный?

– Крови.

Эзер-эльтебер вздрогнул.

– Крови? – переспросил он. – Крови жертвы?

– Да. Разве ты не знаешь, что духи бездны больше всего любят кровь? Она алеет ярче, чем эти шелка, она драгоценнее золота и серебра, ароматнее благовонных курений и слаще индийского сахара. А ты не взял с собой ни жертвенного животного, ни раба, которого можно было бы умертвить.

– Я твой слуга, Араха. Прости меня.

– Это не твоя вина. – Старик снова потрянул головой, зазвенев амулетами. – Ныне в Хазарии многое изменилось. Знать и черный народ отвернулись от старых богов, и вера наших предков забывается. Ты сам, Эзер-эльтебер, принял веру чужеземцев, и воины твои не хазары. Это плохо. Наш народ больше не верит ни в Ульгения, ни в моего господина Эрлика. Древние алтари позабыты, не осталось людей, умеющих говорить с богами и передавать народу их волю. Видишь, ты ехал ко мне без жертвенного животного. О чем это говорит? Мы забыли, кто мы, откуда ведем свое происхождение. Мы хазары только по названию. Говорю тебе – боги разгневаны на нас, и час воздаяния за отступничество недалек. Он будет, этот день огня и плача, будет! Я увижу его, я знаю.

– То, что ты говоришь, о почтенный, разрывает мое сердце.

---

⁵ Чатранж – шахматы.

– Храбрый Эзер-эльтебер! Благородный Эзер-эльтебер! Почему ты еще не тумен-тархан?⁶ Почему Каган Ослепительный не возвысил тебя по делам твоим? В прошлую войну с руссами ты прославил себя подвигами.

– Каган возвысит меня, если ты согласишься объяснить его сон, – ответил сотник, радуясь возможности наконец-то заговорить о деле, с которым он сюда ехал. – Ты велик, тебе ведомы тайны сновидений. Только ты можешь снять пепел сомнения с сердца Ослепительного. Ему снилось...

– Нет нужды пересказывать мне сон Кагана, – неожиданно сказал колдун, протянув к Эзер-эльтеберу руку с костлявыми пальцами и острыми длинными ногтями. – Я знаю его. Кагану снилось, что волк и волчица рвут на части тело беркута на площади перед дворцом Каганов в Итиле.

– Но откуда ты...

– Ты сам сказал, что мне ведомы тайны сновидений. Вот сон, озадачивший Ослепительного.

– Я трепещу и ожидаю твоего толкования.

– Толкования? – Колдун показал в усмешке зубы, которым позавидовал бы даже юноша. – Обрадует ли оно тебя? Если ты привезешь Кагану весть, что его сон дурной и предвещает великие бедствия для Хазарии, правитель казнит тебя.

– Все верно, – пробормотал Эзер-эльтебер. – Значит, сон предвещает несчастья?

– Большие несчастья. Людям иногда дано видеть будущее во сне. На Кагане печать божественной силы, и даже то, что он отступил от веры предков, не умаляет этой силы. Каган может видеть будущее. Этот сон – вещий.

– Каган думает так же, почтенный, – в растерянности сказал сотник.

Старый колдун заметил смятение юноши, покачал головой и поднял руки к небу.

– Тенгри видит тебя и меня, – сказал он. – Ты верный слуга Кагана, а я верный слуга моего господина. Я не буду лгать тебе. Вот толкование сна Ослепительного; великая беда ждет Хазарию. Как мертвый беркут, она будет растерзана безжалостными врагами. Сила и слава Хазарин оставят ее, останутся лишь запустение и смерть.

– О каких врагах ты говоришь?

– О волчице и ее волчонке.

– Я не понимаю тебя, почтенный.

– Волчица уже родилась, и скоро придет день, когда она породит свирепого волка, погубителя народа хазар.

– И ты знаешь, кто она, эта волчица?

– Я слышу шепот предков. Ты можешь слышать их голоса? – Шаман замолчал, вновь оскалил крепкие желтые зубы.

Эзер-эльтебер прислушался, но в долине было тихо. Липкий, ползающий по внутренностям страх вновь овладел им.

– Я ничего не слышу, – произнес он.

– Голоса предков везде, мальчик – в шорохе ковыля под ветром, в раскатах грома, в криках птиц и зверей, в треске хвороста в костре. И они говорят мне: «Хазария обречена. Хазары забыли своих богов, приняли веру иноземцев. Придет день, и они горько пожалеют об этом. Небо станет черным от дыма, а степь красной от крови, и не будет дома, где не станут голосить над павшими! Ничто не спасет Хазарию, ничто! Она исчезнет, будто снег под лучами солнца, рассыплется, как сухая глина в пальцах. Волки и коршуны будут пировать над телами убитых среди руин Итиля. Так будет, если хазары не одумаются, не перестанут молиться чужим божествам». Так говорят предки, Эзер-эльтебер.

---

⁶ *Тумен-тархан* – командир войскового корпуса у тюрок.

– Слова твои наполняют мое сердце страхом.

– Неустрашимый Эзер-эльтебер боится, кхе-кхе? – Старик подошел к сотнику вплотную, заглянул юноше в глаза. – Запах твоего страха так силен, что я могу чувствовать его. И ты правильно боишься. Будущее Хазарии ужасно. Волк с Запада уничтожит ее, когда придет час, назначенный богами. Однако случится это не скоро.

– Когда же?

– Много лет пройдет. Ты успеешь состариться и умереть, прежде чем умрет Хазария.

Сотник глубоко вздохнул. Он ожидал услышать от Арахи что-нибудь ужасное, а последние слова колдуна возродили у него надежду.

– Стало быть, почтенный, нынешний Каган может править без боязни? – спросил он.

– Может править, – подтвердил колдун. – Волчица еще не вышла замуж.

– Я трепещу перед тобой, почтенный. Вразуми меня, скажи же – кто та, кого ты все время называешь волчицей?

– Она дочь Рюрика, великого кагана руссов. – Дочь? – переспросил Эзер-эльтебер. – Я слышал, что у Рюрика есть сын.

– Тот, кого называют сыном Рюрика, всего лишь жалкий приемыш, которого киевский правитель Хельгер-варяг выдает за наследника Рюрика. Но Хельгер хитер. Он знает, как поступить. Дочь Рюрика скрыта от глаз людских, но скоро она войдет в Киев хозяйкой.

– Мне очень трудно понять тебя, почтенный.

– Все проще, чем ты думаешь. Мудрый Хельгер готовит свадьбу своего воспитанника и дочери новгородского волка – Рюрика. Знаешь, как был рожден Рюрик? Он был наделен Силой, и Силу эту передал своему отродью. Хельгер это знает. Он все знает.

– Кажется, я начинаю понимать тебя, почтенный. От брака Ингвара Киевского и дочери Рюрика и родится тот волчонок, о котором ты говоришь?

– Ты очень догадлив, Эзер-эльтебер. И это случится очень скоро.

– Твоя мудрость достает до подножия Тенгри, о Араха!

– Моя мудрость не может заменить мне силы и молодости, – ответил шаман. – Если бы я мог, я бы отыскал волчицу и перегрыз бы ее глотку. Но я слишком стар. Тело мое все больше и больше обращается в тень, и я порой не могу разобрать, к какому миру я принадлежу больше – к этому или же к миру духов. Не мне суждено спасти народ хазар от русского волка.

– Тогда, может быть, это сделает Каган?

– Каган? – Старик не сдержал непочтительного смешка. – Что может сделать Каган, если боги против него!

– Значит, Хазария обречена?

– Да, если не найдется храбрый оглан, который, подобно тени, проберется в земли руссов и сделает то, на что у старого Арахи нет сил.

– Ты думаешь...

– О да! Я подумал, что Каган будет разгневан, когда ты привезешь ему мой ответ. Гонцу, принесшему черную весть, не позавидуешь. Но если гонец привезет нечто, что может смягчить гнев Ослепительного, грозная туча над его головой может пролиться не разящими молниями, а золотым дождем. Голова волчицы в конской торбе поможет ему сохранить свою собственную голову.

– Пробраться в земли руссов? – Эзер-эльтебер воздел к небу руки. – О Араха, разве это возможно? Русь уже не та, какой была еще десять лет назад. Племена руссов объединились вокруг Киева. Руссы стали сильными и дерзкими и больше не желают платить нам дань. Их сила растет, русские города хорошо укреплены, и в них много сильного войска. Я сам это видел, клянусь! В последнюю войну мы потеряли очень много воинов, и Каган помнит об этом. Сейчас он не начнет войну.

– Кто говорит о войне, мальчик? Маленький отряд может пройти там, где не сумеет пройти большая армия.

– Я не боюсь смерти, о Араха. Я готов хоть сейчас с моими арсиями отправиться в русские земли, найти дочь Рюрика и убить ее. Однако прежде я должен вернуться в Итиль и сообщить Кагану о твоём толковании его сна. А потом...

– Потом будет поздно, – перебил колдун. – Наступает удобный момент, которого я ждал долгие годы. Упустим его – Хазарию ничто не спасет. Как ты думаешь, почему Каган отправил ко мне именно тебя, Эзер-эльтебер? Это была моя воля, я внушил ему, чтобы он выбрал тебя. Ты мне нужен. Ты поможешь мне уничтожить волчицу. А я помогу тебе найти ее.

– Клянусь духами предков! – в изумлении воскликнул сотник. – Вот оно как! И что же мне делать?

– Слушаться меня. Я дам тебе оружие, перед которым руссы будут бессильны. Оружие, которое создано силой Темного мира. Оно сделает тебя и твоих воинов непобедимыми. Доверься мне, мальчик, и ты увидишь, что древние боги Хазарии могущественнее новых богов, которым вы опрометчиво стали поклоняться. Их дар защитит тебя и посеет ужас в сердцах врагов.

– Мне кажется, ты очень хочешь увидеть голову волчицы в моей торбе, – со слабой улыбкой сказал Эзер-эльтебер.

– Не я – Темный мир. У него свои счета с Рюриком. А я еще и хазарин, и руссы – мои заклятые враги. От тебя не потребуется ничего, только твое согласие принять мой дар.

– Если это хорошее оружие, я с благодарностью его приму.

– Это лучшее оружие из всех, и называется оно Ужас. Поверь, оно гораздо смертоноснее стрел и мечей. Вы станете тем клинком, который поразит Русь в самое сердце и избавит Хазарию от грядущей гибели!

– Я всего лишь скромный воин. Смогу ли я выполнить то, о чем ты меня просишь?

– Нет ничего невозможного для храбреца, любящего свою страну. Однажды ты увидишь, что ты вовсе не так ничтожен, как думаешь. Твоя слава и доблесть приведут тебя на самую вершину горы величия, к подножию трона самого Тенгри. Придет день, и ты станешь каганбеки, десницей самого Великого Кагана Наран-Итиля Хазарии. Так ты согласен?

– Да, я согласен.

– Хвала Эрлику! – Шаман раскинул руки, будто хотел обнять молодого сотника. – Сбылась моя мечта! Хазария будет спасена, и сделаешь это ты, Эзер-эльтебер, сын Аюпы. Теперь не откажись выпить со мной чашу кумыса в знак приязни и уважения к старику.

Сотник согласно кивнул – его и впрямь мучила жажда с того самого момента, как он въехал в ущелье. Старый колдун отошел к одному из каменных столбов и вернулся с бурдюком и деревянной пиалой в руках. Эзер-эльтебер с благодарностью принял угощение из рук шамана. Кумыс оказался холодным, густым и необыкновенно вкусным – такого Эзер-эльтебер никогда не пробовал. Он пил медленно, смакуя каждый глоток, наслаждаясь вкусом и ароматом напитка.

– Хороший кумыс? – спросил старик, когда Эзер-эльтебер допил чашу.

– Ты еще спрашиваешь? Этот кумыс достоин того, чтобы сам Каган наслаждался им по большим праздникам. Дай и моим воинам отведать этого чудесного напитка.

– С превеликим желанием, мальчик.

Эзер-эльтебер наблюдал, как его арсии пили кумыс и видел их лица, слышал их восторженные возгласы, которыми они оценивали угощение старика. Впрочем, чему удивляться – арсии хоть и арабы, но к кобыльему молоку в Хазарии привыкли. Пить айран, хорзу и нибид⁷

---

⁷ *Нибид* – слабоалкогольный напиток из кобыльего молока.

последователям Мухаммеда не возбраняется. А уж такого славного кумыса им вряд ли когда доводилось пробовать. Бурдюк опустел быстро. Старый шаман выглядел очень довольным.

– Спасибо тебе, отец, – сказал Эзер-эльтебер, когда Араха подошел к нему. – Твой чудесный напиток избавил меня от усталости и жажды. Тело мое поет, будто я весь день провел на пуховых перинах, а не ехал под палящим солнцем по пыльной степи.

– Вот и хорошо. Теперь отдохни и отправляйся в путь со своими воинами.

– А как же волшебное оружие, о котором ты говорил?

– Терпение, мальчик. Сначала крепкий сон, который придаст вам сил, кхе-кхе!

Эзер-эльтебер и впрямь чувствовал, что вот-вот уснет. Тело внезапно стало тяжелым, в голове звенело – то ли кумыс оказался крепким, то ли сказывались долгая и утомительная дорога, волнения и страхи. Хотелось лечь и забыть обо всем, тем более что поручение, с которым он ехал к Черному шаману, успешно выполнено...

– Отдохнуть, – сказал он самому себе. – Мерван, едем!

– Зачем ехать куда-то? – возразил Араха. – Смотри, вон удобная пещера, там и наберетесь сил перед дорогой, кхе-кхе!

Эзер-эльтебер повел осоловевшим взглядом – справа от них в стене ущелья темнел вход в пещеру. Почему он не заметил его с самого начала? Арсии, не ожидая приказа своего начальника, сами потянулись к пещере, ведя в поводу своих коней.

– Почтенный, я... – начал сотник и вдруг заметил, что стоит у каменных истуканов один. Араха исчез непонятным образом, будто растворился в сгустившихся сумерках. Эзер-эльтебер постоял несколько мгновений в растерянности, потом, с трудом отгоняя от себя сон, намотал на руку повод Каратемира и направился к пещере, в черный зев которой уже вошли десять его арсиев.

– Свершилось, господин мой Эрлик! – прошептал Араха, который, оставаясь невидимым для Эзер-эльтебера, видел, как воины скрылись в пещере. – Я совершил то, чего ты хотел от меня! Я нашел для тебя Гончих смерти. Я напоил их молоком адских сук. Теперь они найдут ту, на кого указал твой перст. Теперь Хазария будет спасена. Все увидят твое могущество, Эрлик, и ты вернешь себе народ, который забирают у тебя чужие боги. Не будет у хазар других богов, кроме тебя. Свершилось, господин мой Эрлик, я сделал то, чего ты хотел от меня...

* * *

Эзер-эльтеберу приснился сон.

Вначале он оказался во дворце Кагана и долго шел из покоя в покой в сопровождении эскорта из арсиев с обнаженными мечами в руках. Эзер-эльтебер догадывался, куда его ведут, но ему почему-то было совсем не страшно. Чего ему бояться? У Кагана нет воина лучше него, Эзер-эльтебера, победителя руссов, аланов, печенегов и ромеев. Это он отыскал и убил дочь новгородского волка Рюрика, привез ее голову Ослепительному. Благодаря ему теперь вся Вселенная принадлежит Кагану Наверное, Ослепительный желает отблагодарить своего верного слугу. Надо подумать, что попросить у Кагана. Можно попросить табун отборных коней. Или дюжину красивых пленниц с крепкими грудями и выразительными взглядами, изобретательных и ненасытных в любовных играх. Или кольчугу и меч дамасской работы. Каган ни в чем ему не откажет. Каган его ценит и любит. Каган умеет ценить настоящих храбрецов...

Все верно, его привели куда надо – это тронный зал Кагана. Только почему-то на золотом троне Хазарии сидит сморщенный старик с жидкой белой бородой, в нелепой шапке конусом, обвешанной амулетами, и облезлой козлиной шубе. Это Араха, Эзер-эльтебер сразу узнал его. Куда же тогда делся сам Каган?

– Могучий Эзер-эльтебер! – проскрежетал старый шаман, не спуская с юноши внимательного взгляда. – Неустрашимый, доблестный Эзер-эльтебер! Уже давно никто не служил

мне так верно и истово, как ты, мальчик! Пришло твое время, пришел час доблести и славы. Ты лучший из моих слуг, и я горжусь тобой.

Эзер-эльтебер хочет ответить, что он слуга Кагана и старому Арахе никогда не служил и не думал служить, но только вместо слов с его языка срываются какие-то странные звуки – не то лай, не то рычание. Что это с ним? А Араха улыбается и молча смотрит на него, поглаживая сморщенной костлявой рукой свою бородавку.

– Ты совершил только одну ошибку, кхе-кхе, – вдруг говорит он, и глаза его начинают вспыхивать багровыми огоньками. – Ты привез мне не те дары. Разве ты не знал, что нет для Арахи и господина его Эрлика ничего желаннее свежей горячей крови?

Эзер-эльтебер чувствует себя виноватым, опускается на ковер перед тронном, становясь на четвереньки. Что-то с ним происходит. Он ощущает, что внутри него клокочет бешеная ярость, и ему хочется крови ничуть не меньше, чем старому колдуну, нахально забравшемуся на трон Кагана. А Араха тем временем показывает пальцем куда-то за спину Эзер-эльтебера и смеется.

– Не привез мне крови, так привези! – говорит он. – Возьми волчицу! Перекуси ее горло, насладись вкусом ее жизни! Возьми ее! А пока прими участие в нашей трапезе. Пей кумыс, который я для тебя приготовил!

Слова старого колдуна заглушает страшный неопиcуемый звук. Сотник сразу узнает его, он не раз слышал его в бою. Так кричат в агонии умирающие лошади. Эзер-эльтебер поворачивается и видит, что тронный зал превратился в тесную пещеру с глинистыми стенами и полом, освещенную призрачным синеватым пламенем. Пол пещеры залит кровью и усеян разорванными останками лошадей, ключьями некогда нарядных шелковых чепраков и кожаной сбруи. Десять огромных жутких черных псов в молчаливом остервенении рвут тушу еще одной лошади, и Эзер-эльтебер видит, что это его Каратемир – конь, которого он так любит. Каратемир еще жив, и его глаз, обращенный на сотника, полон смертного ужаса. А еще в этом черном блестящем глазу, как в зеркале, отражается подкрадывающийся к добыче черный зверь, подобный десяти прочим хищникам, и взгляд зверя горит кровожадным безумием. Эзер-эльтебер приглядывается к отражению и вдруг понимает, что это чудовище с острой мордой и торчащими остроконечными ушами двигается так же, как и он. Эзер-эльтебер рычит – и отражение скалит в рычании белоснежные клыки. Неужели это он? А эти чудовищные собаки – это его храбрые арсии? Времени раздумывать больше нет – его товарищи по Стае клыками вспороли коню брюхо, и от сладкого запаха крови и конских внутренностей голова бывшего хазарского сотника идет кругом. Рыча, и исходя голодной слюной, Эзер-эльтебер бросается на добычу.

И это уже был не сон.

II

Захария отбросил лопату, посмотрел на свои ладони и втихомолку выругался. Он никогда не был белоручкой – тяжелая работа была для него обыкновенным делом. Но земля возле старых каменоломен такая твердая, что из нее можно строить укрепления. Да и еще и солнце палит так, что в глазах темнеет. А до вечера еще далеко. Вряд ли проклятый евнух Василий позволит им прохладиться в тени до тех пор, пока не спадет жара...

– Все, не могу больше! – воскликнул Дионисий Фракиец и отбросил заступ. – Хватит, надоело!

– У меня все ладони в пузырях, – сказал Захария. – Только отдохнуть все равно не дадут. Сейчас придет евнух. Или старик. Начнут кричать, что мы ленивые ублюдки и нас следовало бы уморить в застенке.

– Ты веришь, что нас освободят после того, как мы сделаем эту работу? – вдруг спросил Дионисий. – Что-то я очень сомневаюсь.

– Старик показывал мне помилование, подписанное самим базилевсом, – ответил Захария. – Клянусь Иоанном из Фтоломеи, что я сам его видел!

– Старик лгун, – с горькой усмешкой сказал Дионисий. – Станет базилевс подписывать помилование сам, как же! Небось, старый черт сам состряпал грамотку-то. Темнит он что-то, Солдат. Не верю я ему. Не дадут нам помилования. Я вор, ты – убийца. В лучшем случае заменят казнь пожизненной тюрьмой. Что так, что эдак – один хрен выходит, что мы попусту тут карячимся.

– У нас все равно нет выбора. – Захария прикрыл глаза ладонью, всмотрелся в раскаленное солнцем небо. Высоко над ними в небе плавал орел. Или это от жары и усталости в глазах начало рябить?

– Пятый день долбим эту проклятую землю, и все без толку! – Дионисий с жадностью припал губами к кувшину с теплой водой, напившись, передал кувшин товарищу. – Хотя лучше здесь, чем в лапах палача. А ты как думаешь?

Захария не ответил. Бывший солдат Девятого Адрианопольского легиона смотрел вдаль, туда, где над водами Золотого Рога белели паруса кораблей.

– Что молчишь, приятель? – спросил Дионисий.

– Думаю. Не дает мне покоя этот старик.

– А что с ним такое? Старик как старик. Безбородый кастрат злит меня куда больше. Стоит, сволочь, в теничке, пока мы работаем, и скалится, как лошак. Однажды тресну его лопатой по черепу, и не надо мне никакого помилования!

– Мне вот интересно, а что старик тут ищет?

– Тебе-то что? Главное, чтобы не надул. Обидно будет столько дней вкалывать, а потом все-таки оказаться на колесе.

– Я вот что думаю, Фракиец, – наверняка старик этот в Константинополе человек влиятельный. Иначе откуда у него бумага, подписанная базилевсом? На царедворца он не похож, на иерарха церкви и подавно. Скорее, на ученого смахивает. Одет хорошо, видать, денег у него много.

– Я что-то тебя не понимаю.

– А самое главное, – продолжал Захария, не обратив внимания на слова своего товарища, – что вроде он и не боится, что мы сбежим. Я когда с ним в тюрьме в первый раз встретился, сразу понял, что человек он особенный. Взгляд у него заметил, какой? Будто насквозь тебя видит. Не люблю я, когда человек на меня таким взглядом смотрит.

– Боишься, что ли?

– Не боюсь. – Захария сделал еще глоток из кувшина. – Дело в другом. Чувствую я, у старика этого есть какая-то особая власть. Он нас с тобой из сотни осужденных совсем не случайно выбрал. Он ведь, когда нас во дворе тюрьмы выстроили, сразу к нам направился. Почему?

– Направился и направился, тебе-то чего? Чепуху говоришь, приятель.

– Не чепуху! Старик этот особенный. Я когда с ним говорю, будто стою перед иконой в церкви, только не святость от него идет, а сила, понимаешь? Крепко он в нас с тобой уверен. Знает, что не удерем, одних оставляет. Почему?

– Это он сейчас нас одних оставляет. – Дионисий плюнул себе под ноги. – А как найдем скрытый ход, так сразу стражи нагонит. Бежать надо, пока не поздно.

– Я только что об этом думал, Фракиец.

– И что надумал?

– Мы убежим.

– Вот это по-нашему! – обрадовался Дионисий и даже подпрыгнул от радости. – Тогда чего ждать? Все равно никого рядом нет. Я знаю одного парня в порту, он нас первое время укроет у себя, а потом...

– погоди, не спеши, – перебил Захария, – сейчас мы убежать не станем. А знаешь, почему? Старик хитер, как змей. Но я хитрее его. Он ждет, чтобы мы с тобой ход нашли. А мы его обманем.

– Это как?

– Идем-ка, покажу кое-что! – Захария отставил полупустой кувшин и направился в дальний конец огромного раскопа, который они с Фракийцем отрыли за минувшие пять дней, борясь с каменистой землей.

Дионисий, недоумевая, пошел за ним.

– У тебя глаза лучше моих, ну-ка, глянь, там наш безбородый не появился? – велел Захария вору. Беспokoился он зря – Василий не меньше старика был уверен в том, что его подопечные никуда не сбегут и наверняка отсиживался где-нибудь в прохладном месте, обмахиваясь веером и попивая ледяной шербет.

– Я что-то тебя не понимаю, Солдат. На кой бес ты...

– Смотри!

Захария руками начал быстро разгребать кучу крупного песка в самом углу раскопа, и Дионисий с удивлением увидел, как из-под песка вначале появилась мраморная плита, а на ней какое-то изображение, взятое в круглую рельефную рамку.

– Вот что ищет тут старик! – с торжеством в голосе объявил Захария. – Я-то все думал, какого черта он надумал копать за городской стеной? А потом понял. Я слышал, что здесь раньше, много лет назад, был языческий храм, понимаешь? А в языческих храмах были сокровища, посвященные богам.

– Вот это да! – Дионисий даже присвистнул. – А нам старик сказал, что собирается обследовать старый крепостной ход.

– И для этого он добился освобождения двух осужденных к смерти? – усмехнулся Захария. – Верь больше! Я смекнул, что задумал старик. Он дал взятку начальнику тюрьмы, забрал двух заключенных для работы, которую он никому больше не может доверить. Ведь если базилиевсу или константинопольскому епарху станет известно, что ищет старый умник, клад у него заберут. А так он нашими руками откопает денежки и присвоит их себе. Он уверен, что мы с тобой болтать не будем, вот как.

– Почему ты сразу не показал ему эту плиту?

– Потому что я не идиот. Я наткнулся на нее в первый же день, а потом намеренно уходил в сторону. Уж извини, заставил я тебя покопать, но у меня была причина.

– Так у тебя что, и план есть?

– Есть. Слушай.

И Захария начал шептать вору на ухо. Дионисий слушал, кивал головой, и его костлявое покрытое пылью лицо все больше растягивала радостная улыбка. Закончив шептать, бывший легионер хлопнул товарища по плечу и уже вслух добавил:

– Сегодня ночью. Если все выгорит, завтра ноги нашей не будет в Константинополе.

Старик был доволен; за день Захария и Дионисий почти закончили раскопки в пределах квадрата, который он обозначил на своем плане еще пять дней назад, когда они только приступили к поискам. Осталось два небольших участка – у самого входа в старые каменоломни и рядом с полуразрушенной стеной, отделявшей место раскопок от оливковой рощи, где искать точно не имело смысла.

– Еще два-три дня, и мы закончим работу, – сказал старик, делая пометки на своем чертеже.

Захария заметил, что руки у него дрожат.

– Ты обещал нам помилование, господин, – напомнил он.

– И вы его получите. Ты же видел приказ.

– Видел. Поэтому хочу верить тебе.

– Скажи мне, Захария. – Старик внимательно посмотрел на бывшего легионера. – Как так случилось, что ты, старый доблестный воин, решился на убийство? У тебя честные глаза и хорошее лицо. Твой напарник совсем другой, у него физиономия вора, и ему от рождения было написано стать вором. А ты не похож на душегуба. Такому человеку, как ты, следовало бы стать офицером и заслужить у императора хорошую пенсию и участок земли, который обеспечил бы твоих детей. Почему?

– Почему? – Захария вытер ладонью пот со лба. – А как бы ты поступил, господин, если бы вернулся из похода домой и застал свою жену с другим? Я два года терпел тяготы в Ионии, был ранен, голодал, сражался с сельджуками. Я мечтал вернуться домой, и моя мечта спасла мне жизнь. Я вернулся, но что я увидел? Меня будто мечом пронзили, господин. Это была ревность. Ревность и бешенство. Я не помню, что со мной было. Но я не сожалею о том, что сделал. Любой мужчина должен защищать свою честь.

– Ты искренен, – сказал, помолчав, старик. – Я позабочусь о тебе. Делай свое дело. Найдете ход, станете свободными людьми. Кроме того, я заплачу вам. По пять солидов каждому. Этого хватит, чтобы начать новую жизнь.

– Благодарю тебя, господин, – Захария склонил голову в гордом поклоне. – Тогда я позволю себе попросить тебя разрешить нам копать этой ночью.

– Зачем?

– Чтобы побыстрее закончить работу. Мне не терпится стать свободным человеком. Да и Дионисию тоже. К тому же ночью нас не будет мучить жара.

– Хорошая мысль. Я передам Василию твою просьбу. Думаю, он согласится.

– Ты очень добр, господин.

– А ты хороший работник и человек вроде бы не пропащий. – Старик снова окинул бывшего солдата оценивающим взглядом. – Теперь твое будущее в твоих руках.

– Пока оно в твоих руках. – Захария сделал ударение на слове «твоих». – Не беспокойся, господин, мы найдем то, что ты ищешь.

– Не сомневаюсь, – сказал старик.

* * *

Плита оказалась не такой тяжелой и массивной, как вначале показалось Захарии. Пока Дионисий светил ему, легионер сумел подцепить плиту ломом и без особых усилий сдвинул

ее с места. Под плитой появилась черная пустота. Взяв у Дионисия фонарь, Захария заглянул внутрь.

- Победа! – воскликнул он торжествующе. – Тут какие-то ступеньки!
- Есть Бог на свете! – выдохнул вор. – Полезай первым.
- Боишься? – усмехнулся Захария. – Хорошо. Факел приготовил?
- Готов факел! Давай лезь, я придержу плиту...

Держа перед собой фонарь, Захария спустился в лаз под плитой. Яма оказалась довольно глубокой, не меньше пяти локтей в глубину, но неровности каменной кладки были хорошей опорой для ног, и бывший воин басилевса спустился в яму без особого труда. Далее Захария ступил на небольшую площадку, с которой вниз, под землю, убегала узкая вырубленная в камне лестница. Туннель был низкий, пришлось согнуться чуть ли не пополам, но зато каменный потолок не грозил обвалом. Захария спустился по лестнице и оказался у глухой каменной стенки, за которой, впрочем, была пустота – бывший легионер быстро определил это, постучав по кладке. По лестнице уже торопливо спускался Дионисий.

- Зажигай факел! – велел Захария. – И лом подай. Эту стенку надо сломать.

Как и предполагал Захария, стенка оказалась тонкой, в один кирпич – видимо, ее и задумывали как временную перегородку. Уже после первых ударов ломом из нее начали вываливаться кирпичи, и за стенкой открылся новый ход. Подождав, пока осядет пыль, Захария взял у товарища разгоревшийся факел и шагнул в темноту. Воздух в туннеле был душным, спертым, низкий свод невольно вызывал страх. Когда тридцать или сорок локтей туннеля было пройдено, Захария увидел на стене справа от себя надпись, сделанную на латыни.

– «Совершено по повелению императора Юстиниана Великого. Этот туннель пробил я, зодчий Григорий из Равенны», – прочитал легионер. – Это не языческий храм. Тут что-то другое.

– Как не языческий храм? – шепнул Дионисий. – Хочешь сказать, мы напрасно сюда забрались?

- Не знаю. Пойдем дальше, коли залезли.
- Ну-ну!

– Чего нукаешь? – с раздражением спросил Солдат. – Старик искал именно это место. Там впереди что-то есть. Если хочешь, поворачивай оглобли, я один справлюсь.

- Ладно, не злись. Иди, я за тобой.

Вырубленный в камне ход оказался прямым, без поворотов и боковых ответвлений, что сильно упрощало возвращение обратно. Захария с облегчением подумал, что им повезло, – они сунулись в подземелье, не задумываясь о том, что могут в нем заблудиться. Но тут все было просто. Тем более что туннель оказался короче, чем предполагал Захария, – преодолев еще локтей сорок, друзья оказались перед новой стеной, на этот раз тщательно оштукатуренной. Поверх штукатурки была изображена фреска: воин в пурпуре поражает копьем какое-то страховодное существо, не то медузу, не то ехидну. Под ногами воина во множестве были разбросаны человеческие черепа и скелеты.

– Тьфу! – Фракиец плюнул на изображение. – И охота им было малевать такую обрзину? Пряма страх берет!

– Ты плюнул на изображение императора, – с иронией сказал Захария. – Тебя за это посадят на кол.

- Никто ничего не узнает. Если, конечно, ты меня не продашь.
- Сейчас прямо побегу на тебя доносить.

Кладоискатели весело захохотали, а потом Захария ударил ломом прямо в центр фрески. Эта стена оказалась много крепче первой; строители не стали класть кирпичную кладку, а просто перекрыли туннель цельной плитой из камня. Однако после двух десятков могучих ударов хрупкий камень все же треснул, и стена рассыпалась обломками к ногам пришельцев. Захария

нырнул в образовавшийся провал и очутился в маленькой крипте, имевшей почти правильную кубическую форму. В центре крипты помещался каменный алтарь, а на нем – небольшой ларец из твердого дерева без всяких украшений. Захария с торжествующим вскриком бросился к ларцу, осветил его фонарем, попытался его открыть – и не смог. Ларец был заперт на ключ.

– Дай мне! – Дионисий выхватил ларец из рук легионера. – Ого, тяжеленный какой! Золото, клянусь головой Крестителя!

– Сможешь открыть? – Голос Захарии задрожал от алчности.

– Ха! Я не такие замки открывал. Только здесь нечем. Нужен нож или кинжал с тонким лезвием.

– Тогда нечего тут торчать. Берем ларец и уходим.

– Тут больше ничего нет? – Дионисий поискал взглядом по сторонам, но увидел только голые стены вырубленной в скале крипты. Передав ларец Захарии, вор попытался приподнять алтарь, на котором еще минуту назад стоял этот ларец, но камень оказался слишком тяжелым, и Фракиец, крепко выругавшись, отошел от камня. Между тем факел начал гаснуть, и Захария, ухватив вора за руку, потащил его к пролому.

Свежий ночной воздух показался Захарии необыкновенно сладостным, и он вдохнул его жадно, полной грудью. Что же до Дионисия, то, опустив ларец на землю, вор исполнил короткий, но залихватский и очень выразительный танец, после чего сделал непристойный жест в ту сторону, где располагался Августеум, дворец базилиевса. Потом товарищи запихали ларец в мешок и, бросив ненужные уже инструменты и перебравшись через каменную ограду, побежали через оливковую рощу, спеша покинуть место раскопок. Остановились они только тогда, когда совершенно запыхались. Отдышавшись, Захария запалил фонарь, и компаньоны занялись ларцом.

– Как ты думаешь, что в нем? – спросил легионер, наблюдая, как Дионисий пытается разобраться с замком.

– Золото. А может, камушки. Слышал я от знающих людей, что во времена Юстиниана народ жил не в пример богаче, чем сейчас. Представь, откроем, а там пара горстей рубинов или сапфиров! На золоте будем есть, Солдат. Черт, у меня от радости лицо пылает!

– А меня что-то знобит после этого чертового подземелья... Камушки, конечно, вещь отличная. Но я бы предпочел деньги.

– Не бойся, возле ипподрома живет один иудей, который за хороший камушек осыплет нас с тобой солидами с головы до ног... Дьявол, без ножа никак! Хотя погоди-ка, тут какая-то защелка... Ха!

Замок щелкнул, и Дионисий дрожащими руками откинул крышку. В ларце была продолговатая тяжелая коробка из темного полированного металла с непонятными письменами на крышке, а в коробке, завернутый в красный бархат, лежал искуснейшей работы медальон в форме пятиконечной звезды на массивной цепи, тоже испещренный какими-то знаками. Дионисий с шумом вздохнул, извлек медальон из коробки.

– Золото, чтоб мне сгореть в аду! – заявил он, прикинув тяжесть медальона на ладони, и голос его задрожал от жадности. – Полтора фунта золота, если не больше. Черт, да мы с тобой богачи, Солдат!

– Я не ошибся, – ответил легионер, взяв у Дионисия вещицу, чтобы получше рассмотреть. – Старик искал именно его. Ох, и зол он будет, когда узнает, что мы его обманули!

– Хорошая вещь. – Дионисий с жадностью смотрел на медальон. – Но придется его продать. Деньги нам сейчас нужнее.

– Сколько за него дадут? – Захария закашлялся, вытер рот рукой, потом снова поднес медальон к свету. – Сможешь оценить его, Фракиец?

– Надо показать его фартовым ребятам. Есть один скупщик, который хорошо заплатит.

– Хорошо – это сколько?

– Ну, не знаю. – Дионисий откашлял забившую горло пыль, задумался. – Пятьдесят солидов.

– Нет, Фракиец. Эта штука стоит гораздо дороже. Мы попросим за нее триста солидов.

– Да ты с ума сошел! Он столько не стоит.

– Стоит. Мы запросим их у старика. Смекаешь?

– Ах ты, черт! – Дионисий с восхищением посмотрел на бывшего солдата. – Ну и башка у тебя, будь ты проклят! Точно, старик купит его за любые деньги. Только надо обстригать дельце так, чтобы через посредника. Найдем надежных людей, среди моих знакомцев найдутся такие... Что это?

– Чего ты, Фракиец?

– Да так, голова что-то закружилась. Нечего тут сидеть. Сейчас двинем в порт, там я знаю одну шлюху, она нас спрячет... Тьфу ты, опять! Что это, во имя Спасителя?

– Мы устали и поволновались, – сказал Захария, чихнул несколько раз и суеверно перекрестился. – Ларец бросим, он нам все равно ни к чему!

Дионисий хотел ответить компаньону, но на него вдруг напал такой приступ кашля, что даже в свете масляного фонаря было заметно, как посинело его лицо. Захария с ужасом смотрел на вора, который хрипел и хватал руками воздух, словно пытаясь найти какую-то опору, схватиться за нее. Волосы на голове легионера зашевелились, он внезапно понял, что происходит.

– Проклятье! – прошептал он. – Я должен был догадаться!

– Захария! – хрипел Дионисий. – Захария, я... что такое творится? Я... дышать не могу!

– Мы пропали, Дионисий! – Легионер со всей силы отшвырнул от себя медальон, будто ядовитую змею.

– Что... что ты делаешь... прах тебя покрой!

– Юстинианова чума, болван! Я слышал о ней. Мне рассказывали старики. Юстиниан был проклят своим племянником, которого несправедливо приговорил к смерти. Тогда в империи начался страшный мор. А это – это колдовство! Этот медальон – оберег, он принял на себя проклятие. Мы идиоты, понимаешь? Проклятые идиоты, Фракиец! – Захария смотрел на товарища глазами, полными ужаса. – Я видел чуму в Ионии. Она так начинается. Она начинается с кашля.

– Какая... чума? – Дионисий на несколько мгновений почувствовал облегчение, но потом его начало рвать кровью, и несчастный вор забился в корчах, будто рыба, брошенная рыбаком на берег.

Захария больше не думал о Фракийце. Он вообще больше ни о чем не думал. Его охватила паника. Он бросился бежать, не обращая внимания на пронзительные крики и проклятия, которые летели ему вдогонку. Но далеко убежать он не смог: страшная боль ударила его под ребра, и Захария упал в траву. Умирал он долго и тяжело, задыхаясь в мучительной агонии, пока кровь не хлынула у него горлом. Несмотря на страшные мучения, в свои последние минуты Захария вспомнил о старике. Теперь ему стало понятно, почему проклятый старик выбрал для такой работы осужденных на смерть. Они были обречены с самого начала, с того момента, когда старый негодяй заговорил с ними в тюрьме. С самого начала – и ничего не знали...

– Прокляни тебя Бог! – прохрипел, захлебываясь кровью, Захария, попытался приподняться, но упал лицом вниз и больше не шевелился.

Старик появился через час. Рядом с ним семенил евнух Василий, человек императора Льва Шестого. Сначала они наткнулись на тело Дионисия. Евнух, увидев покойника, перекрестился и закрыл лицо надушенным платком, но старик, очертив в воздухе крест, произнес нараспев:

– Двадцать четыре – семнадцать – десять – пятнадцать – восемнадцать! Во имя Того, чье имя запрещено! Не бойся, Василий, теперь опасности никакой нет.

Медальон лежал в нескольких шагах от тела. Пока старик рассматривал его, держа на ладони, Василий спустился ниже по склону холма, к телу Захарии, осмотрев его, вернулся обратно.

– Второй тоже мертв, мастер Теофил, – сообщил он.

– Нужно похоронить их. Нехорошо, когда трупы умерших от чумы лежат непогребенными, – сказал старик. – Пусть твои слуги сволокут их крючьями в ту яму, которую они раскопали. Свое дело они сделали, пусть покоятся с миром.

– Как ты догадался, что они попытаются сбежать с находкой?

– Я смотрел в их глаза и видел это. Они думали обмануть меня, но магия Звезды поразила их.

– Такая мощь! Теперь мне понятно, почему ты не стал приставлять к этим двоим охрану. – Евнух со страхом посмотрел на медальон. – Ты уверен, мастер Теофил, что теперь он не опасен?

– Уверен, – ответил старик. – Мы точно соблюли ритуал Пробуждения. Звезда Юстиниана отныне снова сможет послужить империи. И ты, друг мой, можешь смело идти к базилевсу и рассказать о своем плане. Уверен, базилевс оценит твоё хитроумие и твою преданность.

III

Басилевс Лев Шестой Мудрый пил разбавленное водой хиосское вино из простой керамической чаши и смотрел на воды Босфора. Евнух терпеливо ждал, когда император соизволит выйти из своей задумчивости и обратить на него свое внимание.

Император допил вино мелкими глотками, провел ладонью по гладко выбритому подбородку. С тех пор как в бороде императора появилась обильная седина, Лев Мудрый сбрил ее, за что константинопольские шутники стали называть своего императора Лев Актер или Лев Кувуклий.⁸ Прошел неспешно к столу, поставил на него пустую чашу, сел в резное кресло и закрыл глаза. Прошло несколько минут, прежде чем он решил, что настало время поговорить с евнухом.

– Василий?

– К твоим услугам, Божественный.

– Я заставил тебя ждать.

– Я твой слуга, Божественный.

– Мне плохо, Василий. Я как Атлант, удерживающий на своих плечах небо. Только моя ноша куда тяжелее.

– Что это за ноша, Божественный?

– Империя, Василий. О, это тяжелый груз, и я влачу его почти тридцать лет, не зная покоя и отдыха.

Василий сокрушенно вздохнул. Слова императора были дурным знаком – басилевс не намерен говорить о государственных делах. За восемь лет службы при дворе Василий хорошо изучил своего повелителя. Аудиенция, которой он добивался почти две недели, может закончиться, даже не начавшись.

– Могу ли я быть полезен Божественному? – осторожно спросил евнух.

– Полезен? Ах да, я совсем забыл, что ты хотел поговорить со мной, – император посмотрел на евнуха из-под полуопущенных век. – Вы, как стервятники, рвете меня на части. Час назад у меня был патриарх, а перед ним – начальник стражи. И все говорят о важных делах, неотложных делах, государственных делах. Неужели вы не можете обойтись без меня?

– Никак не можем, Божественный. Только ты способен принять мудрое решение там, где наш убогий разум теряется.

– Ну-ну, – сказал басилевс. – Это хорошо, что ты пришел. Я собирался сам вызвать тебя, но ты опередил мою волю. Как обстоят дела в Болгарии?

– Неплохо, Божественный. Наши войска заняли все ключевые перевалы в Родопских горах. Варвары потерпели несколько поражений и теперь не рискуют давать нам открытого сражения. Магистр Иоанн Акила с двадцатью тысячами воинов вышел из Адрианополя и скоро усилит нашу армию в Болгарии.

– Кто тебе сообщил о том, что варвары разбиты?

– Вард Филипп, командующий нашей болгарской армией.

– У меня другие сведения. Филипп туп и неповоротлив, как бегемот. Он слегка потрепал болгар на юге, но пока не сделал ничего такого, что могло бы решить исход войны. Уже четыре месяца он топчется под стенами Преслава и не решается на генеральное сражение. Я уже направил приказ магистру Акиле взять на себя командование всеми войсками в Болгарии. Он лучше справится.

– Божественный как всегда прав. Однако не болгарские дела привели меня к тебе. Я снова хотел бы говорить с тобой о донесениях моего агента из Киева.

---

⁸ *Кувуклий* – придворный евнух.

– Говори, я слушаю.

– За последние два месяца я получил семь донесений, и все они неутешительны. Когда Божественный назначил меня начальником разведки, я дал себе клятву, что буду не только бороться с явными врагами нашей Богом хранимой империи, но и делать все, чтобы предупредить козни врагов еще не проявившихся. Ныне я встревожен и хочу откровенно поделиться моими опасениями с тобой, Божественный.

– Довольно длинных и цветистых вступлений, Василий. Руссы опять задумали поход на нас?

– Пока нет. Однако мой человек сообщает, что новый архонт руссов Хельгер весьма опасен. С тех пор как он перенес свою столицу из Новгорода в Киев, он подчинил себе многие племена. Теперь под его властью все земли по обоим берегам Борисфена от его истока до устья. В прошлом году ему удалось отбить нападение хазар, и даже те племена, которые раньше платили хазарам дань, теперь подчинились Хельгеру.

– Ну и что?

– Вблизи от наших границ появилась сильная варварская держава, много сильнее Болгарии. Я счел, что это может быть опасным для нас, Божественный.

– Ты предлагаешь начать с ними войну?

– У меня была такая мысль. Я пытался через наших агентов подкупить хазар и направить их на Русь. Но шесть дней назад я получил секретную депешу от твоего представителя в Херсонесе и моего друга Софрония Синаита. Он сообщает, что его переговоры с хазарами ничего не дали. Каган Аарон даже отказался его принять. Один из тарханов по секрету сообщил Софронию, что Каган будто бы видел нехороший сон и теперь уверен, что в войне с руссами его ждет неминуемое поражение. Воля Кагана не очень радует хазар, которые мечтают о войне с руссами, и каган-беки, военный правитель Хазарии, готов хоть сейчас повести войско на славян, но хазары считают Аарона живым Богом и привыкли повиноваться ему беспрекословно.

– Глупцы! Все эти варвары одинаковы. Им не хватает одного царя, так они посадили на трон сразу двоих. У их государства две головы, и ни в одной из них нет мозгов.

– Сказать по совести, я не особенно рассчитывал на хазар. У меня есть свой план, который я осмелился бы изложить базилиеву.

– Что за план? – В глазах императора сверкнул интерес.

– Среди моих друзей есть один человек, который в свое время хорошо послужил империи. Еще мой предшественник, паракимомен Михаил – да упокоит его душу Господь! – пользовался его услугами. Зовут его Теофил. По совести говоря, план, о котором я собираюсь поведать тебе, о Божественный, придуман им.

– Ну, хорошо, я понял тебя. Ближе к делу!

– Теофил – единственный в империи человек, посвященный в секреты старинной боевой магии. Покойный Михаил несколько раз использовал его знания для блага империи, однако маги – народ особенный, и Теофил не всегда делал то, что от него требовали. Нрав у него капризный, но дело свое он знает. Конечно, святая мать Церковь запрещает нам пользоваться магией, но иногда ради интересов государства истинные патриоты готовы совершить грех, чтобы предотвратить беду.

– Я что-то не совсем пойму тебя, Василий.

– Скажу словами Вергилия, Божественный: «Боюсь данайцев, даже дары приносящих!»

– И что это значит?

– Я узнал, что архонт руссов Хельгер готовит свадьбу своего воспитанника Ингвара, сына Рюрика. Думаю, мы, как добрые соседи, должны поздравить будущего правителя руссов с таким чудесным событием и преподнести ему подарки. Среди подарков может быть такой, который заставит руссов забыть о богатых землях по соседству и надолго увязнуть во внут-

ренных трудностях и бедах. А если нам повезет, то варварская держава руссов вообще может исчезнуть с лица земли.

– Что же это за подарок, который сможет уничтожить целую страну?

– У Теофила есть нечто, что может заинтересовать тебя, Божественный. Старик потратил десять лет жизни на то, чтобы отыскать эту вещицу. Вчера она попала к нему в руки. Я сам ее видел и знаю, какой силой она обладает.

– Очень интересно. Я могу увидеть вещь, о которой ты говоришь?

– Божественный может все. Но я обязан остеречь владыку; Теофил сказал мне, что его находка пока безопасна, что он имеет над ней полную власть, однако я ему не верю. Вернее, не совсем верю. Будет лучше, если мы как можно быстрее пошлем этот предмет Хельгеру. – Василий улыбнулся. – В качестве свадебного подарка.

– Что это за вещь?

– Медальон Юстиниана.

Император вздрогнул, бросил быстрый взгляд на начальника разведки.

– Медальон Юстиниана давно исчез, – сказал он.

– Он нашелся, Божественный. Теофил сумел его найти.

– Он совершил ужасную глупость. Теперь империю ждут великие беды.

– Да, если медальон останется в ее пределах, – с неожиданной твердостью в голосе произнес внук. – Но если его отправить к руссам... Владыка, ты знаешь, как тяжело сражаться с варварами. Многие века наша Богом хранимая империя отражает бесчисленные полчища, которые обрушиваются на нас то с юга, то с востока, то с запада. Мы защищались от норманнов и вандалов, готов и арабов, иранцев и сельджуков. Уже много лет мы ведем войну с болгарами, которые терзают наши северные границы. Уверяю тебя, руссы много опаснее. Пока они были разрозненными племенами, зависящими от хазар, торков, аланов, аваров и прочих степняков, они не могли угрожать империи. Но сегодня у руссов появился сильный и жестокий вождь, возникла своя держава, и она крепнет день ото дня. Никто не мог побить хазар, а руссы побили. Если сегодня не нанести варварам смертельный удар, завтра мы увидим их под стенами Константинополя. Змееныша растоптать легче, чем убить взрослую змею. Наш дар заставит их забыть о военных походах надолго. Пусть руссы попробуют совладать с древней магией. А мы посмотрим, что у них выйдет.

– Согласятся ли руссы принять наши дары?

– Варвары алчны. А Хельгер и вовсе грязный норманн, который всю жизнь жаждал только двух вещей – крови и золота. Такого соблазна им не побороть. Я все продумал и уже подготовил письмо для Софрония Синаита. В бухте Золотого Рога уже стоит наготове самая быстроходная хеландия,⁹ и ее капитан клянется, что доставит все, что я пожелаю в Херсонес за неделю. Если Бог будет на нашей стороне, уже к исходу месяца наше посольство отправится в Киев.

– Могут ли руссы знать о тайных свойствах медальона?

– Нет, – уверенно заявил Василий. – Еще в те дни, когда Юстиниан получил его от сицилийских магов-некромантов, о Звезде Орка знали всего несколько посвященных. Сегодня о ней знают три человека – ты, Божественный, я и Теофил.

– Патриарх не одобрит обращения к языческой магии.

– Патриарху знать необязательно. Божественный базилиевс – глава церкви, наместник Христа на земле. Он обязан карать язычников и охранять от врагов нашу Богом хранимую империю, следовательно... – Начальник разведки замолчал, сообразив, что, увлекшись, сказал то, чего не следовало бы говорить.

– Ты напоминаешь мне о моих обязанностях, Василий?

– Смею ли я, Божественный!

---

⁹ Хеландия – быстроходное византийское военное судно.

– Ты убедил меня, Василий. Можешь отправлять наши дары русскому архонту – Император остановил тяжелый взгляд на евнухе и, сделав паузу, добавил: – Медальон Юстиниана следует вывезти за границы империи как можно скорее. А то, что будет с этими дикими язычниками, меня не волнует.

IV

Пришло время третьей стражи, когда человек, с ног до головы закутанный в темный плащ, постучался в двери неприметного дома на окраине Константинополя. Открывший дверь слуга почтительно поклонился и проводил гостя в скромно обставленный атриум, куда вскорости пришел и хозяин дома.

– Победа, Теофил! – провозгласил гость. – Император принял мой план. С рассветом военный корабль с нашим подарком руссам отправится в Херсонес.

– Я нашел в своей библиотеке кое-какие сведения о предмете, который оказался в наших руках, – сказал Теофил, садясь в кресло напротив гостя. – Все именно так, как я предполагал.

– Расскажи мне о медальоне, – попросил Василий.

– Это будет очень короткий рассказ, мой друг. Все, что я мог рассказать тебе о медальоне, я уже рассказал. Лучше выпьем вина и порадуемся, что Божественный соизволил принять нашу помощь.

Начальник разведки взял из рук старика чашу с вином, пригубил – вино было не самым лучшим. Это и понятно – лучший маг империи живет небогато. Вот и появился случай задать вопрос, который не давал Василию покоя с того момента, когда он впервые встретился с Теофилом.

– Удивительно, что ты живешь так скромно, – начал он, отставив чашу, – в этом районе, в таком доме. Такой выдающийся человек, как ты, заслуживает большего. Или ты наложил на себя добровольную аскезу, Теофил?

– Мне нравится мой дом, – ответил старик. – Я живу здесь уже много лет, и большего мне не нужно.

– Странно, друг мой. Со своими способностями и знаниями ты мог бы стать богачом.

– Мои знания похожи на огонь, Василий. Умный человек использует огонь для того, чтобы согреть свое жилище и сварить еду, глупец же устроит пожар, в котором погибнет сам и, что много хуже, причинит смерть множеству людей.

– Что означают твои слова?

– Магия – опасная штука. Я обучался ей много лет, став учеником одного вавилонского чародея. Он покинул родину, потому что захватившие Вавилон арабы преследовали магов. Мы встретились с ним в Далмации. Он казался дряхлым и больным, однако дело было не в возрасте. Когда занимаешься магией, Василий, необходимо платить тайным силам за их помощь. Но чем платить? Жителям призрачного мира не нужны золото и почести. Они забирают у мага то, чего желают больше всего – жизненную энергию. Глядя на меня, ты можешь подумать, что я дряхлый старец, но это не так. Мне едва исполнилось сорок, хотя по внешнему виду мне можно дать все шестьдесят. Так же и мой учитель – он был немногим старше меня нынешнего в те годы. Но он не колебался, когда добровольно сокращал срок жизни, отпущенный ему Богом. У него была мечта – умереть на родине, и он думал, что тайные знания помогут нам, римлянам, изгнать арабов из Месопотамии и освободить его родной город. Его мечта не сбылась, он умер изгнанником, впадшим в немилость, и единственным человеком, оплакавшим его, был я, его ученик. Магия не сделала моего учителя богатым, счастливым и бессмертным. Она прельстила его иллюзией всемогущества, истощила его силы, украла у него молодость и здоровье, озлобила его, превратила в раба тайных сил, которые он призывал всякий раз, когда творил свои заклятия. Нет цели, которая оправдывала бы применение магии, Василий. Твой предшественник Михаил считал меня великим чародеем. Но он понимал, что одна магия не способна сохранить Римскую империю. Есть вещи, которые могущественнее любого колдовства, Василий, – это справедливость и любовь. Увы, в наше время они почти исчезли.

– И все же ты согласился найти медальон Юстиниана и передать его мне.

– А знаешь, почему? Наши дни коротки. Я, последний из магов-воителей, скоро отправлюсь в мир иной. Прошло бы десять, двадцать, пятьдесят, сто, двести лет, и какой-нибудь гробокопатель, роясь в старых каменоломнях, рано или поздно отыскал бы Звезду Орка. Что тогда случилось бы с империей? Кто остановил бы Зло, скрытое в этом медальоне? Уж лучше пусть медальон еще при моей жизни навсегда покинет пределы Империи, а заодно и сокрушит наших врагов.

– Ты хочешь зла нашим соседям. – Василий шутливо погрозил магу пальцем. – Это не по-христиански.

– Всю свою жизнь я мечтал о том, что наша империя однажды вернет себе силу и могущество. Меня пугала мысль, что жадные орды варваров уничтожат Ромею так же, как четыре века назад они разорили Западную империю. Ты бывал в Риме, Василий? Город, который пятьсот лет правил всем миром, сегодня похож на жалкую фракийскую деревню; по его улицам бродят козы, великолепные храмы древности лежат в руинах. Мне нестерпима мысль о том, что Бог прогневадается на нас настолько, что попустит всем этим арабам, болгарам, огузам, сельджукам, норманнам ступить на священную землю города Константина не как пленным рабам, а как победителям. Я служил империи верой и правдой, используя свои знания. А христианское милосердие... Можно любить того, кто мечом вырежет твое сердце – он лишь приблизит твою встречу с Богом. Но я не могу полюбить тех, кто без колебания устроит конюшню в храме Святой Софии или станет жарить свой варварский обед на костре из икон. Знаешь ли ты, что сделали арабы с Александрийской библиотекой? Они сожгли ее. Их предводитель сказал, что все, что нужно знать человеку, есть в Коране, остальное следует бросить в огонь. Сотни тысяч бесценных трудов по философии, астрономии, математике, медицине, истории, богословию, стихи великих поэтов сгорели в пламени Мусейона в один день. А между тем арабы не самые дикие из окруживших нас варварских народов – они так же, как и мы, верят в единого Бога и не оскверняют христианских храмов. Чего же нам ожидать от северных язычников, этих полулюдей, когда они придут на нашу землю? Так пускай же римская магия сокрушит их, если римское оружие не может до них дотянуться!

– Твои слова мудры и проникновенны, – почтительно сказал Василий, очарованный речью старика. – Я преклоняюсь перед тобой.

– Ты ведь пришел за медальоном, – ответил старик. – Он здесь, в этой комнате.

– Я боюсь касаться его.

– Не бойся. – Теофил встал, подошел к низкому комоду на гнутых золоченых ножках, открыл один из ящиков и вынул уже знакомый Василию металлический футляр. – Медальон должен получить хозяина. Чтобы стать хозяином медальона, его следует надеть на шею. Вот тогда проявится его сила.

– Но в чем она заключается?

– Ты очень хочешь знать это, Василий?

– Признаться, да.

– Я могу сказать тебе очень немного. Одно я знаю точно – медальон не есть творение человеческих рук. Это было известно еще этрускам. Он случайно оказался в нашем мире. У него есть свойство управлять потоками Силы, которые проходят между нашим миром и потусторонним миром. Он вроде как ключ, открывающий Проход. Об этом знали маги, подарившие его Юстиниану. То был третий год великой чумы, опустошавшей империю. Медальон спас самого Юстиниана и всю Ромею от гибели, однако держать его при себе дальше было смертельно опасно, и Юстиниан приказал замуровать Звезду Орка в крипте. Остальное ты знаешь.

– Выходит, ты не можешь сказать, в чем секрет медальона?

– Не могу. Я не знаю этого. В моих книгах об этом нет ни слова.

– Жаль, – вздохнул Василий. – Император очень любопытен.

– И мне жаль, что я не могу удовлетворить любопытство Божественного.

– Тем не менее базилевс знает о тебе. Он в скором будущем пожелает видеть тебя и, может быть, осыплет тебя милостями.

– Василий, я стар. Каждый вечер я ложусь спать с мыслью, что утреннего пробуждения не будет. Базилевс сделает меня счастливейшим человеком, если позволит мне доживать мой век в этом доме, наедине с моими книгами и моими воспоминаниями.

– И все же, будь я на твоём месте, я бы поспешил взять от жизни все, что она еще может тебе дать. – Евнух оглядел атриум и протянул руку: – Пока же я забираю у тебя твоё сокровище.

– Я отдаю его с радостью. – Теофил передал ларец начальнику разведки. – Ты оказываешь своей стране великую службу, Василий.

– Что должен знать мой человек, который отправится к архонту руссов?

– Только то, что этот медальон защитит носящего от любой опасности. Пусть архонт руссов будет думать, что ему подарен могущественный талисман. Язычники обожают разные обереги.

– Хорошо, я запомню. Прощай, Теофил.

– Прощай.

– Подумай о том, что я тебе сказал. Император помнит о тебе.

– Поблагодари его. И скажи, что я слишком устал, чтобы хорошо служить ему. Свой последний долг империи я отдал сегодня.

– Я скажу, обещаю.

– Я верю тебе. Прощай!

Уходя, Василий заметил, как глаза старика, мутные и безразличные, внезапно ожили, наполнились мягким светом, будто озарившим сухое суровое лицо Теофила. Он внезапно напомнил начальнику императорской разведки изображения пророков с церковных фресок. Поеживаясь от овладевшего им внутреннего холода и прижимая к себе кошель с ларцом, Василий покинул дом чернокнижника. Ступая мелкими шажками, он быстро спустился по перелуку к набережной. Здесь он огляделся по сторонам и, убедившись, что никто его сейчас не может видеть, пронзительно свистнул. Из темноты раздался ответный свист, и очень скоро три закутанные в темное фигуры вынырнули из темноты и встали перед Василием.

– Он дома, – сказал евнух. – С ним только слуга. Вы двое, – и он указал сначала на одного из своих людей, затем на другого, – идете к нему. Сделайте все быстро и бесшумно. Я бы не хотел, чтобы старик умер тяжело. Даруйте ему легкую смерть. А ты, – и евнух повернулся к третьему, – будешь сопровождать меня. Капитан Зенон ждет нас. Чего стоите?

– Господин, мы бы хотели узнать, когда нам можно получить обещанную плату, – без тени робости осведомился один из выбранных Василием убийц.

– Утром, – быстро ответил евнух. – А пока попробуйте отыскать что-нибудь ценное у старика. Хотя... – И тут Василий невесело усмехнулся: – Не думаю, что ваша добыча будет богатой. Пока держите этот солид, хватит на то, чтобы помянуть старика в какой-нибудь корчме. Идем, Еремей, нас ждут.

«Старик попрощался со мной, – думал евнух, уходя с набережной в сторону военной гавани, – верно, он знал, что его ждет. Знал, и не подал вида, что его страшит будущее. Так ли тяжел груз лет, что под его гнетом жизнь теряет свою притягательность? Боже мой, о каком грузе лет я говорю – ведь он не старше меня, просто магия выпила из него жизнь! Или же старик знает что-то такое о мире за порогом смерти, чего не знает никто? Надо было расспросить его. Конечно, он знает все. Он наверняка видел *тот* мир. Жаль, теперь уже поздно возвращаться. Теофил, почему ты не согласился! Это не я приговорил тебя – это твоя гордыня сократила твои дни... Справедливость и любовь в наше время почти исчезли? Хм, хорошо сказано. Божественному понравится такое изящное выражение. А варвару Хельгеру понравится твой подарок, Теофил, ха-ха-ха!»

– Ты смеешься, господин? – отозвался Еремей.

– Нет, – ответил евнух и сердито сверкнул глазами. – Я сочиняю эпитафию.

Хеландия капитана Зенона вышла из военной гавани Константинополя еще до рассвета. Вместе с ларцом Зенон получил от евнуха Василия два запечатанных тубуса, которые следовало передать варду Софронию Синаиту, императорскому посланнику в Восточных землях. Один из тубусов был с императорской печатью – это была грамота о назначении Софрония послом басилевса в земли руссов. Второй тубус был залит сургучом без всяких печатей. Он предназначался секретному агенту в Киеве, которого знал только Софроний. Капитан Зенон также получил от Василия устное сообщение для будущего посла. В этом тубусе были деньги – плата агенту. Никаких письменных распоряжений от себя начальник разведки передавать не стал.

Через шесть дней корабль капитана Зенона вошел в порт Херсонеса. А еще через два дня византийское посольство вместе с торговым караваном отправилось на север, в русские земли.

Часть II Знамение

I

Отсюда, со сторожевой башни Вышнеграда, весь Киев был как на ладони. У замолов,¹⁰ там, где Почайна впадала в Днепр, пестрели паруса судов – торговых, болгарских и ромейских, русских стругов и кумваров¹¹ и норманнских боевых драккаров. Хельгеру было хорошо видно, какое множество народа собралось у пристаней. День был погожий, солнечный, и хотя с Днепра дул холодный ветер, особенно ощутимый здесь, на стенах Вышнеграда, сидеть в четырех стенах не хотелось. Горожане наслаждались солнечным теплом, ремесленники работали в своих мастерских, грузчики на замолах таскали с кораблей товары, купцы торговали, женщины придирчиво рассматривали разложенные в лавках ткани и побрякушки, нищие просили милостыню, мальчишки играли в русских и хазар. И никто не задумывался над тем, что в эту минуту князь киевский и русский Хельгер Вещий наблюдает за ними с одной из башен детинца.

– Хороший город я оставлю тебе, Ингвар! – сказал с усмешкой князь своему спутнику, худощавому светловолосому юноше с невыразительным лицом.

– Оставишь? – встрепенулся юноша. – Что это значит?

– Тебе пора становиться мужчиной и воином. Только настоящий воин сможет удержать в руках такую землю, как эта. – Хельгер простер руку в сторону города. – Десять лет назад Киев был другим. Вон там, где сейчас Пасынча Беседа, был пустырь. Пристаней было всего две, и обе никудышные. И Подол был вполтину меньше. Каменных домов вообще не было. И кругом был лес, дома порой стояли прямо среди деревьев. Но Аскольд и Дир знали, чего стоит этот город, потому и сражались за него отчаянно... Тебе тогда было всего три года. Помнишь что-нибудь?

– Ничего, – признался Ингвар.

– Хвала Одину, что не помнишь. Тогда пролилось столько крови, что воды Почайны стали красными. В сражении за Киев погибла половина моей дружины, потому что поляне дрались яростно. В тот день Аскольд и Дир погибли. И я стал конунгом, или, как говорят руссы, князем. Хорошо, что ты всего этого не помнишь.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Какой вопрос?

– Ты говорил, что собираешься оставить мне этот город. Почему?

– А ты не понимаешь? Я стар. Скоро Один призовет меня в Валгаллу, и я прошу богов об одной милости – позволить мне умереть в бою. Так или иначе, рано или поздно тебе быть князем. Это твой город и твой народ. Тебе уже шестнадцать. Твой отец Рорк был чуть старше тебя, когда стал правителем словен.

– Почему ты все время сравниваешь меня с моим отцом, Хельгер? – в голубых водянистых глазах юноши мелькнули гневные огоньки.

– Я не сравниваю. Я лишь хочу, чтобы ты помнил, чей ты сын.

– Я не помню своего отца. Я бы предпочел, чтобы моим отцом был ты.

– Я не твой отец. Но я сделал все, чтобы заменить его тебе.

– Ты никогда не рассказывал мне о моем отце, Хельгер.

---

¹⁰ *Замол* – пристань.

¹¹ *Кумвар* – грузовая или военная ладья.

– Разве? – Старый князь усмехнулся. – Я плохой рассказчик. К тому же со дня смерти Рорка прошло больше пятнадцати лет. Я мало что помню.

– Ты меня обманываешь. Просто не хочешь рассказывать. Клянусь Одином, я на тебя обижусь!

– Клянись Перуном, малый. – Хельгер ласково похлопал юношу по плечу. – Или Сварогом. Один – бог норманнов, не твой бог.

– Но я же норманн!

– Ты рожден на этой земле. Значит, ты русс.

Ингвар собрался возразить своему пестуну, но внизу на стрельницах затопали тяжелые сапоги, послышались громкие голоса. Секунду спустя в проеме люка в полу башни показалась голова сотника Борзи.

– Воевода Ола вернулся, княже! – прокричал сотник; после того как в последней войне с хазарами его ошеломили в бою тяжелой булавой, Борзя стал плохо слышать. – С ним люди из Чернигова!

– Хорошо, идем. – Хельгер подкрепил слова кивком и жестами.

Борзя нырнул обратно в люк. Ингвар, повинуясь взгляду пестуна, последовал за сотником. Потом на стрельницу спустился сам Хельгер.

На току у подножия башни уже собрались любопытные, окружив группу всадников, весь вид которых говорил о том, что они проделали тяжелый многодневный путь. Воевода Ола, дюжий седобородый норманн, завидев князя, сошел с коня, опустил на одно колено.

– Слава тебе, конунг! – сказал он по-норманнски.

– Говори по-русски! – велел Хельгер, заметив, что вокруг них уже собралась большая толпа воинов и горожан. – С чем прибыл?

– Торков под Черниговом больше нет. А постарались ради этого молодцы, которых я привел с собой.

– Славная весть. – Хельгер перевел потеплевший взгляд на двух всадников, продолжавших оставаться в седлах, будто и не князь к ним подошел. Первый, тот что помоложе, явно русич, хоть и чернявый и темноглазый, с едва пробившимися усами и бородкой. Хельгер бросил на него мимолетный взгляд – второй воин заинтересовал его куда больше, ибо по виду был чужеземцем. На коне сидел гордо и спесиво, уперев правую руку в бок, и с вызовом поглядывал на собравшуюся вокруг толпу. Широкоплечий, коренастый, большеголовый, с окладистой черной бородой, в которой кое-где мелькает седина. Да и вооружен отлично – кольчуга превосходной работы, скорее всего арабская, со стальными пластинками на груди, стальные поножи, сапоги из доброй кожи. Над левым плечом торчит рукоять привешенного за спиной прямого арабского меча-шемшира, весьма искусно отделанная. К луке седла приторочены шлем с личной и бармицей и стальная шипастая булава с яблоком в два кулака величиной. Весь грозный облик воина и его богатое вооружение совершенно не вязались с его конем, простым меринком с облезлыми коленями и спутанной гривой. Впрочем, у второго черниговского воина конь не лучше.

– Вижу я, что ты не славянского племени, витязь, – сказал Хельгер старшему воину. – Как твое имя?

– Великий князь киевский! – Чернобородый воин наконец-то спешился и склонился перед Хельгером в учтивом поклоне, прижав правую руку к груди, заговорил неожиданно на неплохом русском языке, хоть и с сильным акцентом: – Меня зовут Давид Таренаци из Гегарда, я искатель славы и подвигов. На моей родине, в далекой Армении, обо мне сложили немало песен, и мне захотелось повидать мир и прославить свое имя в далеких странах. С купеческим караваном я отправился сначала в земли сельджуков, оттуда в богатую и вероломную Романию, а затем на Русь, о которой слышал от людей, знающих немало хорошего. Я ехал в славный город Киев, чтобы поступить к тебе на службу. Но проклятые купцы обманули меня, сказав,

что держат путь в Киев – на самом деле они ехали в хазарские земли. Так я паче ожидания оказался в Чернигове, о чем, впрочем, совсем не жалею.

– Ты хотел служить в моей дружине, не так ли? – спросил Хельгер, пряча в бороде улыбку.

– Хотел, – подтвердил армянин. – Я и сейчас этого желаю всей душой и всем сердцем.

На моей родине хорошо знают о грозном Хельгере Русском и его победах.

– Видишь, Ингвар, – обратился князь к сыну Рюрика, – в чужих землях меня называют Хельгером Русским, а не Хельгером Норманном! Это неспроста... Вижу я, что воин ты храбрый, Давид из Армении. Но право стать моим керлом еще нужно заслужить.

– Позволь мне сказать, конунг! – выступил вперед Ола. – Витязь сей и вправду боец непревзойденный. Когда подошел к Чернигову нечестивый торчин Явуз со своей ордой, воевода Жерех струсил и задумал сдать торкам город. А этот воин как раз у Жереха гостил, ну и распорядился по-своему – Жереха связал, засадил в поруб, а сам возглавил оборону города. В первый же день, когда торки на ворота черниговские поперли, витязь Давид один выехал на них и обратил в бегство, а потом всего с пятью воинами само стойбище степняков атаковал и в пух их разбил. Самого Явуза зарубил вот этот молодец. – И Ола показал на молодого воина. – После того как хан их погиб, торки рассеялись, кто куда.

– Ты Явуза торского зарубил? – спросил Хельгер у юноши.

– Я, княже, – ответил темноглазый воин. – Прости, княже, не могу сойти с коня, чтобы поклониться тебе. Рана у меня в ноге, без чьей-нибудь помощи спешиться не сумею.

– Истинно говорит воевода Ола – этот юнец снес Явузу голову, – подтвердил Давид Таренаци, раздувая ноздри от избытка гордости. – Мечом он владеет на диво хорошо, я сам видел, как сей юноша ратной потехи ради разрубал брошенные в воздух яблоки. А я мечом своим разогнал торков, как поганых шакалов, и изрубил их немало.

– Посмотрю я, истинно храбрых воинов послал мне Один. – Хельгер милостиво кивнул молодому воину. – Как твое имя, сынок?

– Зовут Владом, а кличут все Вороней.

– Откуда родом будешь?

– Из псковской земли.

– Стало быть, Влад Вороня? Запомню. Эй, Борзя!

– Княже? – Сотник протолкался из-за спин собравшихся к князю, застыл в ожидании.

– Этих двух воинов зачислишь в свою сотню, – велел Хельгер. – И от меня по серебряной гривне на шею и тому и другому. Заслужили они награду своей храбростью. А куда собаку Жереха подевали?

– Помер он, княже, – ответил Ола. – Как разбежались торки от Чернигова, созвали черниговцы вече, чтоб решить, что с воеводой сим трусливым делать. А Жерех тем временем в порубе и удавился на кушаке своем. Видать, со стыдом таким на душе жить не захотел.

– Правильно сделал, что удавился, – заметил Хельгер. – Легкой и почетной смерти от меня бы он не дождался. Идите, воины. Борзя, кликни ведунов, чтобы рану у юнака этого посмотрели и обиходили. И коней им дай добрых, а то на этих одрах они много не навоюют.

– Если позволишь пояснить, княже, – вставил Давид Таренаци, – то коней этих мы у черниговских смердов взяли, чтобы до Киева доехать. Был у меня отличный нисийский конь, да только в бою поразила его стрела. А торкские кони, в бою взятые, меня далеко бы не увезли – стать не та.

– Верно говоришь, степная лошадка не для тебя, – усмехнулся Хельгер. – Но и мериноратай тебе не подobaет. Борзя, позаботься о гостях! И чтобы оба сегодня были у меня на пиру.

– Все исполню, княже!

Хельгер ответил кивком на учтивый поклон армянского витязя и направился к своему терему, обметая гладкий ток своим длинным шерстяным плащом. Ингвар следовал за князем, как тень.

– Ты им поверил? – спросил он Хельгера, едва они отошли от собравшейся на току толпы.

– Я поверил Оле. А если и приврал чего этот армянин, то только самую малость. Я разбираюсь в людях, Ингвар. Тебе тоже не мешает научиться в них разбираться.

– Я еще молод. Доживу до твоих лет, стану таким же мудрым.

– Хорошие слова! – Хельгер положил юноше ладони на плечи. – Сегодня донесли мне, что к нам едут ромейские послы. Принять их надо с почетом. Я буду говорить с ними не как самовластный князь киевский, а как твой соправитель. Пускай видят, что будущий князь уже готов принять власть.

II

В огромной княжеской гриднице было душно и чадно, воздух был пропитан запахами обильной снеди, меда, браги, факельной смолы, пота и сыромятной кожи. За длинными столами, расставленными вдоль стен, собралась вся старшая дружина Хельгера – норманны и славяне друг подле друга, все бывалые опытные бойцы, завоевавшие право сидеть за княжеским столом своими подвигами и победами над врагами – хазарами, аварами, венграми, немцами, булгарами. Хельгер смотрел на пирующих воинов и временами бросал мимолетные взгляды на ромейского василиска, пытаясь угадать, о чем думает посол.

Византиец между тем казался невозмутимым; его костлявое бледное постное лицо с крючковатым носом и близко посаженными черными глазами оставалось спокойным и надменным, а голос таким же бесцветным и лишенным эмоций, как в тот миг, когда посол бацилевса впервые заговорил с киевским князем. Вместе с тем высокородный патриций не выглядел спесивым – скорее равнодушным ко всему, что происходило вокруг него. Посла вместе с пятью его товарищами по посольству усадили сразу за молодым Ингваром по правую руку от князя – на самые почетные места. Однако было видно, что пир греку не в радость. Он почти ничего не ел и пил только холодную воду, которую подливал в его кубок стоявший за его спиной кравчий. На все вопросы, которые Хельгер задавал Софронию Синаиту – так представился посол, – грек отвечал охотно и учтиво, на хорошем русском языке, но глаза его при этом оставались холодными и отстраненными. Это злило Хельгера, однако старый норманн прекрасно знал о высокомерии ромеев и потому не давал волю гневу, помня, что перед ним посол. И еще заметил киевский князь, что императорский посол с самого начала трапезы подолгу и внимательно наблюдает за молодым Ингваром, будто изучает юношу. Сам же Ингвар этого, казалось, не замечал, наслаждался вкусной едой и выдержанным медом и почти не слушал того, что говорит посол в ответ на вопросы Хельгера.

Между второй и третьей переменной блюд проворная челядь заменила в поставцах прогоревшие факелы на новые, и в гриднице стало светлее. Поданная с пряными подливами горячая верченая дичь вызвала восторженные возгласы пирующих. Кравчие спешно разливали темный душистый мед и выдержанное греческое вино по рогам, ковшам и кубкам. Хельгер встал со своего места, поднял ковш с медом.

– Пью за здоровье могущественного императора Ромеи, нашего доброго соседа! – провозгласил он и осушил ковш.

– Слава! – хором отозвалась дружина, стуча чарами.

Хельгер посмотрел на посла. Грек пьет только воду, будто магометанин – пусть же выпьет чистой водицы за своего порфиросного владыку! Но Софроний Синаит угадал мысли князя.

– Вина! – приказал он кравчему.

Хельгер усмехнулся в бороду. Теперь ясно, что грек пьет воду, чтобы тем самым выразить свое презрение к собравшимся в гриднице. Между тем патриций пригубил кубок с вином и поклонился Хельгеру. Глаза у него были такие же ледяные, как и прежде.

– Хороша ли романея? – спросил Хельгер посла.

– Неплохая. Мне приходилось пить вино более выдержанное и с лучшим букетом, но и этот напиток весьма приятен. Наши торговцы привозят на Русь хорошие вина.

– Это не привозное, – ответил Хельгер. – Шестьдесят бочек этого вина мы взяли в бою у хазар.

– Хазары тоже покупают у нас вино, – невозмутимо ответил посол. Сел на свое место, расправил складки хламида. Хельгер сделал знак Ингвару – мол, пора и тебе поговорить с ромеем. Юноша понял своего пестуна.

– Пленные хазары сказали нам, что это вино – дар вашего императора, – произнес он небрежным тоном. – Почему же нас великий император ромейский не жалует подобными дарами?

– Наверное, император знает, что вы сможете всегда забрать его дары у хазар, – ответил Софроний.

Дружинники загудели, заулыбались; ответ посла им понравился.

– Здоровье императора ромейского! – выкрикнул кто-то зычным голосом, и снова застучали чаши и ковши. Посол отвесил дружине легкий поклон, при этом на его губах мелькнуло подобие улыбки.

– Ты сказал хорошо, почтенный посол, – заметил Хельгер. – И я согласен с тобой. В последнюю войну мы взяли у хазар не только хорошее вино. Великая была добыча. Золото в Киеве стало по цене серебра, а серебро – по цене олова. А хазарских пленников мы считали по сотням, чтобы не сбиться со счета.

– Мы в Херсонесе наслышаны о твоих победах, князь Хельгер, – произнес посол, прожевывая кусочек овечьего сыру, который он перед этим обмакнул в чашку с уксусом. – Император тоже о них знает. Успехи твоего оружия стали в западных землях притчей во языцех.

– И вас успехи моего оружия, конечно же, беспокоят? – осведомился Хельгер.

– Отчего же? Все державы воюют с соседями, побеждают их или терпят неудачи. Так уж устроен этот мир, что войны в нем обычное дело. Какая нам забота, воюешь ты с восточными варварами или нет? Кто прав, кто неправ, рассудит Бог.

– Однако мы слышали, что хазары часто называют великую Ромею своим союзником, – вставил Ингвар.

– Мало ли что болтают эти дикари! – пожал плечами посол. – Ты правильно сказал, князь Ингвар, Ромея великая держава, и есть немало тех, кто набивается ей в друзья. Скажу прямо: я встречался с хазарскими тайдунами. Они пытались заключить с нами тайный союз против вашей державы. Что мы им сказали? Нет, нет и еще раз нет. Ромея не хочет войны с Русью. Русь нам не враг, да и будь она нашим врагом, мы не стали бы с вами воевать. Мы побеждаем наших врагов не силой, а любовью и цивилизованностью. Халиф арабский, могущественный Кутейба, побывав в гостях у императора, был так восхищен великолепием Вечного города Константина и разумностью созданного нами порядка, что отказался от войны с нами. Однажды, юный князь Ингвар, ты посетишь нашу страну и сам убедишься, что мой народ несет миру свет и добро. Бог свидетель, что я говорю правду!

– Ага, на мою землю вы уже принесли и свет, и добро! – раздался чей-то громкий голос.

Посол вздрогнул. В гриднице стало тихо, и в этой тишине отчетливо прозвучал голос Хельгера:

– Кто это сказал?

– Я! – Один из гостей князя поднялся со своего места. – Я это сказал, нахарар¹² Давид Таренаци из Гегарда, слуга своего царя, великого Ашота Первого Багратуни!

Армянский воин был в числе дружинников, приглашенных на пир. Хельгер сразу узнал его. И еще он заметил, что армянин с нескрываемой ненавистью смотрит на византийского посла.

– Ты оскорбляешь посла, – сказал Хельгер суровым тоном.

– Это сиятельный посол императора ромейского оскорбляет тебя, великий князь, и всех нас, – с горячностью выпалил Давид. – Он говорит тебе о любви и цивилизованности. Пусть расскажет, как цивилизованные ромеи уже который год пытаются захватить наши земли. Пусть расскажет о набегах диких сельджуков, подкупленных ромейским золотом. Пусть расскажет, как вели себя императорские войска, захватив Татван! Я знаю это наверняка, а не понаслышке.

---

¹² *Нахарар* – титул родовой аристократии в средневековой Армении.

В Татване были мои родственники – мой брат Варган и сестра Наринэ. Они погибли, когда византийцы взяли город.

– Я не в ответе за поведение наших солдат, – произнес посол, нисколько не смутившись под гневным взглядом армянина, – и уж тем более за поведение варваров-сельджуков. Война есть война. Мне жаль, что твоя семья пострадала, воин. Я никого не хотел оскорбить. Если бы ты знал о судьбах мира больше, ты понял бы, что сам Господь Бог держит нашу руку во всех войнах. Нам Создателем даровано право – нести народам свободу и истинную веру. Вы же, армяне, отвратились от веры Христовой, впали в ересь монофизитства, ищите союза с нечестивыми измаильтянами – арабами, вот Бог вас и покарал нашими руками.

– Ложь! – выпалил Давид, теряя над собой власть. Цепкие руки дружинников схватили его за руки, плечи, полы архалука, а он пытался вырваться, чтобы добраться до посла. Тот же стоял невозмутимый, и лишь в глубине его глаз вспыхивали недобрые искры.

– Взгляни-ка, великий князь киевский, – сказал он, когда Давида Таренаци все-таки сумели усадить на место, – вот тебе и ответ, почему наша Богом хранимая империя вынуждена держать могучую армию и флот. Нас окружают варвары, которые, подобно обезьянам, тщатся подражать нам во всем. Они строят храмы по подобию наших, пользуются нашими знаниями, подгоняют свои законы под законы империи, копируют на свой лад наше военное дело и наши каноны в искусстве и литературе. Но истинная сущность этих дикарей тут же проявляется воочию, стоит им выпить лишний кубок вина!

– Я не варвар и не обезьяна! – загремел армянин. – И не тебе высокомерно говорить о народе, который раньше вас, ромеев, принял христианство. Не был бы ты послом, я бы тебе показал!

– В самом деле? – Посол впервые за вечер засмеялся. – Когда я ехал в земли руссов, я будто предвидел такую встречу и потому взял с собой своего слугу. Верно ты говоришь, варвар, – я посол и не могу ответить тебе на твои оскорбления, сделанные к тому же в доме твоего господина. Но мой слуга постойт за мою честь. Так принято в моей стране. Думаю, на Руси обычай такой же. Позволишь ли, князь?

– Позволю, – Хельгер гневно посмотрел на армянского воина. – Оскорбление, нанесенное послу в моем доме, нанесено мне. Посмотрим, как рассудят боги.

– Я согласен! – воскликнул Давид. – Свою честь и честь моего народа я буду защищать конным и пешим, с оружием или без оружия. Выбирай, посол, способ, каким мне лучше убить твоего слугу!

– Кто говорит об убийстве? – Посол поклонился Хельгеру и с неожиданной улыбкой сказал: – Не гневайся на своего дружинника, князь, лучше позволь ему отстоять свою честь, о которой он так сокрушается, а заодно и потешить нас зрелищем своей удали. В моей свите есть неплохой кулачный боец. Пусть твой дружинник сразится с ним в честном бою. Победитель получит награду от меня и от тебя. Честное состязание – лучший способ решить спор. Ты согласен?

– Слово гостя – закон. – Хельгер вновь метнул свирепый взгляд на Давида Таренаци. – Победитель получит награду. А проигравшего вымажут медом, вывалят в перьях и провезут по Киеву на осле задом наперед. Зови своего бойца, почтенный Софроний!

– Позови Маркела! – шепнул Софроний одному из сопровождавших его аколитов, а затем протянул кубок кравчему. – Вина! Хочу выпить за мудрого и справедливого князя Хельгера и его достойного наперсника князя Ингвара! Слава!

– Исполать! – грянули дружинники, поддержав тост патриция.

– Бог любит сильных и праведных, – сказал Софроний, осушив кубок, заглянул в серые грозные глаза Хельгера. – Пусть Бог подаст победу сильному!

Пир продолжился. Греческий посол как ни в чем не бывало отвечал на вопросы молодого Ингвара, который расспрашивал его о Константинополе. Хельгер невольно прислушивался к

разговору. Грек охотно рассказывал юноше о знаменитых зданиях столицы Ромеи и как бы невзначай повел разговор об укреплениях Константинополя.

– Взять наш Богом хранимый город невозможно, – говорил он. – Стотысячная армия готов простояла под стенами Константинополя три года. Тогда полегло семьдесят тысяч готов, а король Аларих ничего не добился. Город защищают четыре кольца стен высотой в сорок локтей, девяносто шесть восьмиугольных и четырехугольных башен, а еще высокий вал, устроенный так, что к стене нельзя подтащить стенобитные машины. Бухта Золотой Рог запирается кованой стальной цепью, которую невозможно разбить. К тому же Божественный базилиевс держит постоянно в Константинополе тридцатитысячную армию. Но главное – нас защищает сам Бог. Он благоволит к моему народу и не допустит, чтобы город, заложенный блаженным Константином, стал добычей варваров.

– Княже, подавать четвертую перемену? – шепнул огнищанин Хельгеру, заставив князя вздрогнуть.

– Подавай. И романеи пусть принесут побольше...

Слуги вносили в гридницу лебедей и фазанов в оперении, енды с вином, огромные блюда с редкими восточными фруктами, но пирующая еда больше не интересовала – все ждали начала поединка между ромейским бойцом и новым дружинником Хельгера. Сам Давид между тем с завидным аппетитом поглощал тушеные олени потроха, заедая их пирогами. Изучающие взгляды дружинников и самого князя его, казалось, нисколько не смущали.

Когда в гридницу вошел ромейский боец, за столами сразу сделалось так тихо, что стал различим шум капель смолы, падавших с факелов на пол. Во-первых, чужеземный атлет оказался чернокожим. Среди ратников Хельгера были воины, уже видевшие африканцев во время набегов на византийские земли; для большинства русских дружинников человек с черной кожей был чем-то невиданным. Во-вторых, Феодор Маркел, телохранитель Софрония, был настоящим великаном. Сидевшие за столами воины были люди ражистые, могучие и в большинстве своем рослые, но только рыжий норманн Витгейр мог бы похвалиться таким же ростом – но не телосложением. Маркел был словно специально создан богами ради того, чтобы нагонять ужас. Торс византийца был грудой железных мускулов, увенчанной маленькой бритой головой со свирепым лицом, покрытым шрамами; ноги напоминали колонны, выкованные из черной бронзы. Маркел поклонился Хельгеру, потом послу и встал посреди гридницы, вызываясь глядя на дружинников и скрестив на своей необъятной груди ручищи с громадными кулаками.

– Вот мой боец, – сказал Софроний. – Если твой дружинник не струсил, то можно начать потеху.

– Я готов! – неожиданно для всех объявил Давид Таренаци, залпом осушил ковш с вином, вытер рот и бороду рукавом архалука и встал из-за стола.

– Что ты творишь? – не выдержал сидевший рядом с армянином Влад Вороня. – Не сдюжишь...

– Можешь поставить на него свою серебряную гривну, – сказал Давид. – Эй, я иду!

Армянский воин встал напротив византийца; он был на две головы ниже соперника, и по рядам дружинников прокатился вздох – не то сокрушенный, не то удивленный. Однако Давид быстро расстегнул и сбросил свой шелковый архалук, потом снял расшитую рубаху, обнажившись по пояс. И тут всем стало ясно, что легкой победы византийскому бойцу не видать. Армянский богатырь хоть и не выглядел так же внушительно, как Феодор Маркел, но сложение имел геркулесовское. Лишь посол Софроний презрительно фыркнул, бросив на Давида Таренаци короткий взгляд.

– Ставлю сто золотых солидов на своего бойца, князь, – сказал он Хельгеру. – А сколько поставишь ты?

– Столько же, – не колеблясь, сказал киевский князь.

– Благодарю тебя за веру твою, княже, – произнес армянин и поклонился Хельгеру.

Маркел между тем достал из мешочка на поясе пару длинных кожаных ремней и принялся неторопливо и тщательно обматывать ими свои ладони. Такие же ремни поднесли Давиду Таре-наци, но он покачал головой. Хельгер тихонько выругался; чужеземный воин вел себя неразумно. Ремни защищают кулаки бойца от случайных повреждений. В бою с таким чудовищем мелочей быть не может...

Чернокожий богатырь покончил с ремнями, еще раз поклонился, на этот раз только послу, и сказал по-гречески;

– Его убить или только покалечить?

– Убей его, – велел Софроний.

– Княже, – внезапно обратился к Хельгеру Давид Таренаци. – Что мне сделать с этим мужем? Просто расквасить ему физиономию или забить до смерти?

Ответом армянину был неудержимый хохот дружинников. Один Софроний не смеялся – он понял, что этот странный дружинник говорит не только по-латински и по-русски, но еще и по-гречески.

– Ты победи его, – сказал Хельгер, которого и забавляла и сердила бесшабашная отвага армянского воина. – А уж как ты это сделаешь, не моя забота! Начинайте, во имя богов!

Противники разошлись по углам прямоугольника, образованного пиршественными столами, и какое-то время стояли неподвижно, видимо, собираясь с духом. Византиец двинулся вперед первым. Выйдя в центр гридницы, он встал в боевую стойку – руки согнуты в локтях и подняты вверх до уровня плеч, корпус развернут боком к противнику, ноги широко расставлены. Давид осторожно двинулся ему навстречу, закрыв левой рукой лицо, а правую вытянув вперед. Все, затаив дыхание, следили за перемещениями бойцов.

Внезапно Маркел взревел и прыгнул вперед. Удар, направленный армянину в лицо, не достиг цели, но Таренаци попятился назад, уперся спиной в один из поддерживавших кровлю терема резных столбов. Лицо византийца растянулось в свирепой гримасе. Маркел пошел вперед, стремясь заключить противника в тесном углу на стыке двух столов. Но Давид оказался необыкновенно проворным – вывернувшись из-под убийственного удара, он выскочил за спину византийца и коротко и резко ударил Маркела по корпусу. Чернокожий боец вскрикнул, больше от неожиданности, чем от боли, развернулся лицом к противнику и пошел в атаку. Его удар левой рукой едва не угодил Таренаци в лицо. Отпрыгнув в сторону, армянин выпалил:

– Ва! Настоящий вол – тяжелый и глупый!

Маркел пружинящим шагом двинулся на противника; правый кулак византийца описал короткую дугу и задел плечо Таренаци. Со стороны это могло показаться легким прикосновением, но на самом деле удар был так силен, что Давид едва удержался на ногах. Он быстро перегруппировался, ушел из-под очередного удара и вновь оказался за спиной у черного богатыря. Тогда византиец применил прием, который много раз помогал ему с одной атаки выиграть поединок: отведя правый кулак к щеке, он опустил левую руку вниз, будто прикрывая корпус, а сам неожиданно нанес удар с разворота правой ногой. Таренаци показалось, будто его лягнула лошадь: удар пришелся в левую сторону груди, послышался хруст ребер. От боли потемнело в глазах. В последний миг Давид успел увернуться от убийственного удара в челюсть, нырнул византийцу под руку и сам ударил коротко и резко, целя противнику в лицо. Удар получился больше похожим на тычок, но Маркел покачнулся и попятился назад. Глаза у него будто подернулись пеленой. Несколько мгновений он стоял в растерянности, потом попробовал разбитую губу пальцами, выплюнул кровавую слюну и с рычанием пошел на армянина. Хитрый и коварный удар левой рукой Давид отразить не успел – кулак Маркела угодил не в голову, а в плечо, но этого было достаточно, чтобы дружинник Хельгера отлетел на несколько шагов и врезался в стол. С торжествующим воплем византиец бросился на соперника, пытаясь нанести ему удары ногами. Один из ударов попал в цель, и Таренаци отлетел к дверям в гридницу, однако с легко-

стью поднялся и встал в боевую стойку. Нос у него был разбит, кровь стекала по усам и бороде, но армянский воин выглядел вполне боеспособно.

– Иди сюда, валух греческий! – выпалил он. – Я тебе покажу, как мужчины дерутся!

Сказал – и сам пошел вперед. Меткий удар его левой руки пришелся по правому бицепсу византийца, а когда Маркел попытался провести ответную атаку левой рукой, Таренаци уклонился от него, обманул противника ложным выпадом в лицо и нанес удар в солнечное сплетение. Чернокожий богатырь захрипел, начал хватать ртом воздух, и тут же получил меткий удар в лицо, сломавший ему нос. Армянин отскочил назад, будто приглашая своего обескураженного противника атаковать. Маркел вытер льющую из носа кровь, перевел дыхание и с рычанием пошел вперед. Он обрушил на Таренаци настоящий ливень ударов, но все они почему-то не достигали цели: армянский воин с удивительным проворством уворачивался от них. А потом сам вдруг наддал снизу правой, да так, что византиец на какое-то время совершенно потерял ориентацию. За эти мгновения Давид наградил его несколькими точными ударами, один из которых рассек Маркелу левую бровь. Теперь на византийца и вовсе было страшно смотреть – весь залитый кровью, с перекошенным распухшим лицом, он напоминал адское чудовище, а не человека. Отчаявшись поразить противника ударом руки, Маркел начал атаковать ногами, прижимая верткого армянина к княжескому столу. Удары византийца колебали воздух не хуже крыльев мельницы, и многие из зрителей невольно втягивали головы в плечи, наблюдая за боем. Но Таренаци уже не боялся ромейского гиганта. Улучив момент, он ударил византийца в живот, а потом, не дав противнику опомниться, провел несколько точных ударов в голову. Оглушенный и потерявший ритм дыхания Маркел лишь бестолково размахивал руками в надежде достать врага – но не достал. Он еще успел увидеть, как Таренаци бросился вперед, и кулак армянина угодил ему прямо в ухо. Раздался громкий хруст, и Феодор Маркел беззвучно опрокинулся назад, с грохотом повалив лавку, стол и разбросав посуду и кушанья. Он еще попытался подняться, но сил больше не осталось, и византийский боец потерял сознание.

– Ва! – воскликнул Давид. – Вот так бьют мужчины!

Он не сразу понял, что в гриднице стало очень тихо, и все взгляды обращены на него. У его ног лежал бесчувственный чернокожий гигант, а Давиду все еще казалось, что поединок не кончен. Но потом в его сознание вошел голос князя Хельгера:

– Лепо! Чистая победа!

Кто-то поднес Давиду ковш вина, и победитель выпил его залпом, жадно, проливая вино на волосатую грудь. Дружинники хлопали армянского богатыря по плечу, пожимали руки, поздравляли, и в их глазах были восторг и изумление. А затем Таренаци услышал негромкий голос Софрония:

– Славный был бой! Ты победил, армянин.

Византиец несколько раз хлопнул в ладоши, потом сделал знак аколиту с большим ларцом в руках. Из ларца Софроний извлек кожаный мешок с золотом и бросил к ногам Хельгера.

– Мой заклад, князь, – сказал он. – Сто солидов твои.

– Нет-нет! – с улыбкой ответил князь. – Я не возьму деньги с посла. Мне довольно одной победы.

– Ты унижаешь меня, – возразил Софроний с обиженной гримасой. – У нас не принято отказываться от честного выигрыша. От себя прибавлю десять солидов для победителя. Он потешил меня своим искусством. А это, – и грек показал на бесчувственного Маркела, – унесите прочь с моих глаз!

Достойное поведение посла вызывало восхищенный шепот русичей, и Хельгер пригласил всех продолжить трапезу. Однако Софроний Синаит продолжал стоять, когда возбужденные гости расселись за столы.

– Что-нибудь не так, почтенный посол? – спросил Хельгер.

– Я подумал, что пора от забав переходить к главному, ради чего я приехал в твои земли, князь, – ответил патриций. – Твое гостеприимство и славное застолье совершенно затуманили мой разум, и я совсем позабыл, что должен вручить тебе дары моего повелителя.

– Ты уже вручил их сегодня, когда я принял тебя! – со смехом сказал киевский князь.

– Не все, – возразил грек. – Пришла пора главных даров.

Один из слуг Софрония, повинувшись жесту господина, почтительно подал патрицию длинный сверток, аккуратно обернутый серебристой хорезмской парчой. Посол развернул ткань, и Хельгер увидел длинный прямой меч в алых ножнах, богато отделанных самоцветами. Рукоять меча была из литого золота.

– Меч дамасской работы, подарок моего императора для тебя, славный князь киевский! – провозгласил посол под одобрительные возгласы дружинников. – Надеюсь, тебе представится случай испытать в победоносной сече остроту и крепость этого джавахира. А для твоего воспитанника, благородного Ингвара-Рогволода, у меня есть другой дар, не менее ценный. Император Лев Шестой Мудрый прослышал о том, что благородный Ингвар собирается жениться, и прислал свадебный подарок. Конечно, такие подарки принято дарить в день свадьбы, но император искренне надеется, что его дар приблизит твое счастье, князь Ингвар.

Дамасский меч был настоящим сокровищем. Но то, что извлек Софроний из продолговатого золотого футляра и показал собравшимся, вызвало всеобщее восхищение. Никому из гостей Хельгера до сего дня не приходилось видеть такой искусной ювелирной работы. Пятиконечный золотой медальон, подвешенный на массивной затейливо скрученной цепи, поража́л совершенством отделки и ажурным точением лучей. Юный Ингвар как зачарованный смотрел на драгоценную вещицу. Даже суровый Хельгер не смог удержаться от улыбки, наблюдая, как свет играет на долах медальона. Дар ромейского императора был поистине чудесной вещью.

– Клянусь Перуном, ничего краше я не видел! – воскликнул Ингвар, не задумываясь над тем, что его восторги по поводу подарка имперский посол может расценить как проявление неуместной алчности. – А ты, Хельгер?

– И я не видел, – признался норманн. – Это подарок, достойный императора Ромеи!

– Внешняя красота этого медальона ничто в сравнении с его чудесной силой, – сказал Софроний. – Ибо это украшение прославлено чудесами, сотворенными им. Его носил сам блаженной памяти император Константин в ту пору, когда он воевал с нечестивым Максенцием. И хоть нет на этом медальоне алмазов и сапфиров, ценность его велика. Я слышал, этот знак наделен силой защищать своего владельца и даровать ему победу над врагами. Он приведет тебя к славе и могуществу, князь Ингвар. Отныне ты владеешь этой реликвией.

– И я принимаю дар твоего императора с благодарностью и радостью, – заявил Ингвар и, прежде чем Хельгер что-то успел предпринять или сказать, надел его на себя.

– Рановато еще носить подарок к свадьбе, – заметил Хельгер, неодобрительно посмотрев на юношу.

– Я лишь выказал уважение к императору Ромеи! – возразил Ингвар, но медальон не снял.

– Я хотел сказать, что подарок подразумевается как свадебный, – заметил Софроний. – А скоро ли сама свадьба?

– На Руси молодых женят осенью, после того как убирают урожай, – сказал Хельгер.

– Значит, ждать недолго. Мы, римляне, сумеем преподнести достойные дары и невесте славного Ингвара. Позволено ли мне узнать, кто счастливая избранница будущего князя киевского?

– Дева, которая станет достойной супругой моему воспитаннику, – уклончиво ответил Хельгер и прикрикнул на слуг: – Почему ковши пусты? Пора выпить за здоровье высокородного посла ромейского!

– Исполать! – взревела дружина. Засуетились слуги, загремели ковши, забулькал мед в глотках. Хельгер бросил быстрый взгляд на византийца. В глазах Софрония Синаита было торжество, они больше не были пустыми и отстраненными. Справа от Хельгера счастливый Ингвар рассматривал висевший у него на шее драгоценный медальон. И Хельгеру, многоопытному вещему мужу, повидавшему на своем долгом веку всякого, прошедшему через невиданные и непостижимые испытания, внезапно показалось, что драгоценная вещица что-то ему смутно напомнила. Но вот что? До самого конца пира Хельгер не раз и не два возвращался мыслями к медальону на шее своего воспитанника и пытался выхватить из памяти то, что там, казалось, неуловимо присутствовало и могло подкрепить смутную тревогу старого князя. Он пытался вспомнить – но не смог.

Над ночной степью прокатился высокий тоскливый вой. Араха зажмурился, бросил в горевший перед ним костер еще горсть порошка. Пламя немедленно окрасилось в синеватый цвет, и по ущелью поплыл белый дым с запахом степных трав. Глаза старого колдуна широко открылись, губы зашевелились, бормоча что-то на неведомом языке.

– Эрлик! Эрлик! Эрлик! – вздыхал старик, глядя в огонь невидящим взглядом. – Пришло время ступить на Сумеречную тропу. Велика мудрость Эрлика! Наши враги отомкнули Круг, и теперь твой гнев, Эрлик, падет на их дома, на их стада, на их жен и детей. Глупые руссы приняли Знак Беды. Теперь Сумерки поглотят их. Пришла пора выпустить Стаю. Пришла пора начать травлю, Эрлик!

Вой повторился, на этот раз на него откликнулись еще несколько тварей, прячущихся в ночи. Араха снова зажмурился, будто сытый довольный кот, протянул костлявые руки к огню. Он смотрел в пламя и видел в нем искры того могучего пожара, который скоро пожрет ненавистные русские города. Он слушал вздохи ветра и различал в нем жалобные предсмертные крики руссов. Велик Эрлик, бог хазар! Скоро исчезнет племя врагов, и солнце и луна еще тысячу лет будет всходить над дворцами Итиля.

– Мы победили, господин мой Эрлик! – шепнул старик, наклонившись к огню. – Это хорошая ночь. Ночь полнолуния. Сегодня Стая возьмет след русской волчицы...

Софроний Синаит был доволен собой. Так доволен, что, едва оказавшись в отведенных ему покоях в княжеском тереме Вышнеграда, тут же потребовал от слуги налить ему вина. Потом другой слуга помог ему снять пропахнувшую потом и дымом хламиду и тунику из тонкого льна, облачиться в свежие одежды. А затем пришел Евсевий, его секретарь.

– Что с Маркелом? – первым делом осведомился патриций.

– Он на нашем корабле, деспот. Твой врач осмотрел его. Боюсь, Маркел долго не сможет выполнять обязанности твоего телохранителя. Этот варвар сломал ему нос и челюсть.

– Клянусь спасением души, я недооценил этого дикаря. – Софроний отпил вина из кубка. – Маркел, верно, в обиде на меня?

– Он твой слуга, деспот. И, как верный слуга, делал то, что ему было приказано. Ты велел ему проиграть поединок – он проиграл его. Правда, выглядит он слегка ошеломленным. Никто не мог предположить, что у армянского дикаря будет такой мощный удар.

– Странно, что армянский аристократ оказался при дворе киевского князя. Уж не ищет ли царь Ашот Армянский союзников против Хазарин или против нас?

– Не думаю, деспот. Он сидел с дружинниками. Посла так не сажают.

– Верно, я как-то упустил это из виду... Передай Маркелу, что я его щедро награжу. Благодаря его искусству спектакль для варваров получился даже эффектнее, чем я ожидал.

– Ты добился своего, деспот?

– Я добился всего, чего хотел. Хельгер принял дары. Он чувствует себя победителем, и он горд и доволен собой. Сегодня у руссов праздник, и мы приглашены принять в нем участие. Ты встретился с нашим человеком?

– Да, деспот. Я как раз собирался тебе рассказать о нашем разговоре.

– Тебя никто не видел?

– Никто. А если и видел, что за беда? Для непосвященных я всего лишь негодяй, которого интересует только одно – прибыль. Оцени мою смекалку, деспот: благодаря моим стараниям, наш корабль вернется в Херсонес с хорошей партией воска, меда и зерна на борту.

– Где ты встречался с человеком Василия?

– В порту. Там есть неплохая корчма, где проводят время заезжие купцы. Не думаю, что в толпе болгар, армян, арабов и норманнов я сильно выделялся.

– Перескажи мне ваш разговор, – потребовал патриций.

– Говорили мы недолго. Я затеял с болгарскими купцами разговор о здешних ценах, тут он к нам и подсел. Заговорил со мной о Константинополе и будто невзначай подал условленный знак. После этого я угостил его медом. – Евсевий усмехнулся. – Наверное, со стороны мы выглядели забавно. Я всеми силами пытался показать, что не понимаю языка руссов, а человек Василия старательно делал вид, что не знает греческого.

– Что он тебе сказал?

– Не знаю, важно это или нет, но по Киеву ходят упорные разговоры, что Хельгер всерьез задумал женить своего воспитанника. По русским обычаям юноша, женившись, становится совершеннолетним. Возможно, Хельгер хочет передать ему киевский престол.

– Это я знаю. Что еще?

– За последние три месяца в Киев дважды приезжали послы от венгерского короля. О чем с ним говорил Хельгер неизвестно, но одарил он венгров очень щедро. Полагаю, киевский князь пытается заключить с венграми союз. Или сосватать за Ингвара одну из дочерей их короля.

– Меня интересуют планы Хельгера. – Софроний допил вино. – Я видел этого варвара, и он заинтересовал меня. В нем живет дикая и необузданная сила. Это настоящий воин. С начала своего правления он беспрерывно воевал и будет воевать дальше. Вопрос только – с кем?

– Полагаю, поход Хельгера на болгар был бы нам очень выгоден.

– Более чем выгоден. Но Хельгер не из тех людей, которых легко обмануть. Мне сегодня показалось, что он что-то заподозрил, когда его воспитанник надел на себя медальон. Что-то было в его лице.

– Прости меня, деспот, но верно ли, что эта вещица и в самом деле обладает какой-то таинственной силой?

– Вздор, Евсевий. Обычный кусок золота. Просто дикари придают магии слишком большое значение, а наше дело – заставить их поверить в эту магию. Пусть считают, что римский дар даст им особую силу. Быстрее увязнут в войне с соседями. Войны варваров нам только на руку. Однако я устал. Скоро рассвет, и моя голова раскалывается. Этот твой собеседник в корчме больше ничего тебе не рассказал?

– Ничего, деспот. Так, болтал о всяких пустяках, нахваливал себя. Хвастал, что сам князь киевский Олег ему доверяет.

– Олег?

– Так славяне называют Хельгера. Я передал ему деньги от Василия и взял с него расписку, что он их получил. На прощание он поклялся всеми их богами, что будет и дальше сообщать нам обо всем, что творится в Киеве.

– Скоро в Киеве начнут твориться очень необычные вещи, – пробормотал Софроний.

– Что ты сказал?

– Ничего. Мне уже грезятся сны наяву.

– Понимаю, деспот. Позволишь ли мне удалиться?

– Иди.

Евсевий поклонился и вышел. Софроний велел слугам покинуть опочивальню, с наслаждением раскинулся на широком ложе, покрытом великолепными мехами. Вино и усталость сделали тело неподъемным, глаза закрывались сами собой. Патриций еще успел подумать, что наступающий день принесет новые испытания – ему, потомку римских императоров, снова придется изображать восторги по поводу варварского гостеприимства. Однако Хельгера обижать нельзя. Придется терпеть. Тем более что старый дикарь необыкновенно проницателен. Он что-то заподозрил, когда увидел медальон. Что-то почувствовал. Надо постараться рассеять его сомнения. Очень постараться.

Софроний закрыл глаза и заснул крепким сном.

III

Вокруг был лес, древний и священный. Огромные сосны выплывали из клочковатого сизого тумана, в котором тонул шум его шагов. Земля под ногами была черная, будто выжженная. Потом он услышал топот множества мягких лап, и доносился он со всех сторон. Сразу появилось чувство опасности. Он потянулся к своему мечу, но с удивлением и страхом обнаружил, что меча с ним нет.

Белоснежная волчица появилась в следующую секунду. Она выскочила из тумана и встала прямо перед ним, словно позволяла ему себя хорошенько рассмотреть. Его глаза и глаза зверя встретились, и странно – он не ощутил страха, хотя знал, что встреча с белым волком не сулит ничего хорошего. В белых волках живут духи Севера, которые редко бывают расположены к человеку.

Волчица мягким прыжком бросилась к нему и села на задние лапы у его ног. В ее янтарных глазах он прочел то, чего никак не ожидал увидеть во взгляде дикого зверя – мольбу о помощи. Чего может бояться белая волчица в лесу, посвященном асам?

Топот в тумане стал громче, послышалось глухое рычание. Волчица прижалась к земле, оскалила клыки в злобной гримасе. Он увидел, как в тумане замелькали злоеющие тени, а потом увидел и самих пришельцев из Мглы, почувствовал их зловоние. Его и волчицу окружили черные псы с человеческими головами.

«Убей их!» – прочел он мысли волчицы. Но как их убить? Ведь меча у него нет. Теперь он умрет без меча в руке, никогда не попадет в Валгаллу!

«Убей их!» – повторила волчица, прижимаясь к его ногам.

Он не может их убить, потому что безоружен. Он не может ответить ей. Язык его не слушается, тело будто вросло в черную землю, а кровь застыла, словно этот вязкий беле-сый туман растворился в ней, подобно яду. Страшные псы уже рядом, их взгляды, полные кровавого безумия, обращены на него. Потом он видит, как черная стая, рыча и разбрызгивая смрадную пену с оскаленных клыков, бросается на волчицу.

Тень упала на него, и Хельгер открыл глаза. У ложа стоял Энгельбрект, его старый товарищ еще по ромейским походам. Утро было славным, яркий солнечный свет заливал опочивальню князя, но лицо Энгельбректа почему-то было мрачным.

– Проснулся? Вставай, тебя ждут новые неприятности, – сказал он.

– Вещий сон, – пробормотал Хельгер, сел на ложе. – Ты всегда был вестником радости.

– Волхвы прислали за тобой, – отвечал Энгельбрект. – Требуют, чтобы ты немедленно явился к ним.

– И только-то? – Хельгер почувствовал неожиданное облегчение. – Сегодня Велесов день. Верно, поэтому я им нужен. Чего молчишь?

– А что мне сказать? Посланник мне ничего не сказал. Волхвы хотят говорить с тобой. Только вот на вечевой площади толпа собралась – чуть ли не весь город. Говорят, волхвам было знамение страшное.

Хельгер не стал медлить. Набросил поверх рубахи суконный плащ, опоясался мечом, с помощью подоспевшего слуги натянул сапоги. Второй слуга подал ему чашу с медом, но Хельгер сердито сверкнул глазами:

– Рассолу дай или взвару! Или просто воды.

У крыльца терема уже стояли оседланные кони – Энгельбрект позаботился. Когда-то Хельгер легко взлетал в седло, теперь ему требовалась помощь. Взяв десять гридней сопровождения, князь выехал из Вышнеграда.

Энгельбрект сказал правду: вечерая площадь была заполнена людьми. Увидев князя, киевляне рванулись к нему. Хельгер видел их испуганные глаза, слышал крики:

- Княже! Княже пресветлый! Защити!
- К волхвам-то едешь, княже? Тады сам все узришь!
- Страх-то какой! Такого на земле полянской никогда и не бывало!
- Княже, рятуй!¹³ Избави от напасти!

Со всех сторон к князю тянулись руки; мужчины потрясали кулаками, женщины поднимали над головой своих младенцев, чтобы Хельгер мог их видеть. В их глазах был ужас и тревога. Хельгер и сам ощутил сильное беспокойство. Творилось что-то непонятное. Он проехал по живому коридору, все больше мрачней.

У входа в святилище, перед кругом костров, их встретили старшие волхвы – облаченный в белое старый Рах, верховный жрец Сварога, чернобородый кряжистый Свар, жрец Перуна и костлявый, закутанный в овчины Борут, жрец Велеса. За их спинами встали толпой младшие волхвы. Князь сошел с коня, обменялся со жрецами церемонным поклоном. Несколько мгновений все молчали. Первым заговорил Хельгер.

- Что у вас стряслось? – спросил он сурово.
- Ступай за нами, – велел Рах.

Князь вслед за волхвами вошел в святилище – площадку на вершине холма, окруженную дубовым частоколом, на кольях которого белели черепа жертвенных животных. Хельгер почувствовал сильный запах разложения, который не мог перебить даже дым костров, в который младшие жрецы постоянно подбрасывали ароматные смолы и травы. Жрецы ввели его в круг, образованный вырубленными из цельных деревьев изображениями богов и подвели к идолу Велеса. У подножия идола лежали трупы жертвенных овец, над которыми гудящим облаком роились мухи. Хельгер глянул и поморщился от омерзения. Животы овец были распороты, внутренности выглядели так, будто две недели пролежали под палящим солнцем, и кишели мириадами червей. Из-за этих червей казалось, будто овечьи потроха шевелятся сами собой.

- Что это за мерзость, поглоти меня Хель! – воскликнул князь.
- Знамение, княже, – сказал Рах.
- Я не понимаю.

– Когда мы нынче утром по обычаю принесли этих овец в жертву Велесу, то увидели то, что сейчас видишь ты, – сказал Борут.

– Это невозможно, клянусь Одним! Эти овцы были живы утром? – Хельгер похолодел. – Не могли они жить с *этим* внутри!

– Однако это так, – покачал головой Рах. – Смертельная гниль, пожирающая нас изнутри, завелась в нашей земле. Боги предупреждают о грядущем ужасе.

– О каком ужасе ты говоришь, жрец?

– Не знаю. Одно мне ведомо: великое зло придет в наши дома. Кто защитит нас от него, княже?

– Если это зло из плоти и крови и с мечом в руке, то я, – ответил Хельгер. – А с демонами бороться я не умею. Это ваша забота. Или не для того существуют волхвы, чтобы при помощи тайных обрядов оборонять русскую землю от злых сил?

– Так, княже. – Рах склонил голову в знак одобрения.

– Тогда чего вы хотите? Для чего показали мне эту пакость? – Хельгер плюнул на смердящие туши овец. – Коли хотите принести жертву, я дам вам скотину из моих стад.

– Ты не понимаешь, княже, – проскрипел Борут, сверкнув глазами. – Велес не принял нашу жертву. Это знамение. Знак Беды.

¹³ Рятуй! – Спасай!

– Знамение, знамение! Заладили одно и то же. – Хельгер шагнул к выходу из святилища. – Есть ли моя вина в том, что Велес не хочет принимать ваши подношения? Если есть, скажите о том прямо. Я воин и не понимаю языка иносказаний.

– Не горячись, княже, – ответил Рах. – Мы и сами пока не знаем, что за напасть пришла в нашу землю. Мы будем гадать и дадим тебе ответ.

– Вот это другой разговор! Клянусь Одином к Перуном, моими богами, мне нужна ясность. Если в Киеве угнездилась черная измена, я выжгу ее огнем. Если ворожба тайная – тут уж ваша власть и ваше слово. И говорю тебе, Рах – успокой народ! Люди испуганы. Невместно нам слухи страшные распускать.

– Князь! – крикнул Рах вслед Хельгеру, когда князь уже был в воротах святилища. – Сон твой говорит тебе, что ты должен поступать решительно и быстро.

– Сон? – Хельгер удивленно посмотрел на старого волхва. – Откуда ты знаешь о моем сне?

– Я увидел в твоих глазах, – сказал Рах. – Иди, делай свое дело!

– Что там, конунг? – спросил Энгельбрект Хельгера на обратном пути в Вышнеград.

– Смерть, – мрачно ответил Хельгер и больше ни слова не произнес до самого Вышнеграда.

Ингвара киевский князь нашел в сокольне, где молодой князь вместе с двумя юношами из младшей дружины развлекался, прикармливая охотничьих птиц кусочками мяса. Хельгер вошел в сокольню с таким видом, что Ингвар сразу понял – случилось что-то нехорошее.

– Ты с самого утра тут? – спросил Хельгер.

– Да. – Ингвар протянул руку в перчатке так, чтобы белый кречет, подарок хазарского Кагана, смог перебраться с руки на стальной обруч. – Что-то не так?

– Ступайте, – велел князь молодым дружинникам, дождался, когда они уйдут. – Я хочу поговорить с тобой о будущей свадьбе.

– Слушаю тебя.

– Ты женишься еще до окончания лета.

– Но мы же хотели...

– Не перебивай. Я сегодня же пошлю за твоей невестой. Если все пойдет, как надо, мы сыграем свадьбу сразу по ее прибытии.

– К чему такая спешка, Хельгер?

– Волхвы так хотят. Я говорил с ними.

– Ты стал слушать русских волхвов?

– Волхвам было знамение. Велес не принял жертву.

– Не принял жертву? – Лицо юноши покрыла заметная бледность. – Быть того не может, Хельгер! Если боги не принимают подношения, то это...

– Дурной знак, знаю. Я был на Священной горе и видел сам. Живых овец, предназначенных Велесу, поразил червь. Нас ждут испытания, о коих пока никто не догадывается.

– Что же сказали тебе волхвы?

– Ничего путного. Они будут вопрошать богов и предков о том, как быть дальше.

– Тебе не след слушать их. Ты без них можешь заглянуть в будущее. Мыслью я, ты и сам в ворожке zelo искушен.

– Был искушен. А теперь я стар. Мне почти шестьдесят, и дух мой тяготится в немощном теле. Скоро придет мой час, тело мое положат на краду,¹⁴ а дух встретится в Валгалле с твоим отцом. Что я скажу ему при встрече? Что оставил тебя холостым? Ты должен жениться, чтобы

---

¹⁴ Крада – погребальный костер.

стать князем киевским и моим преемником. Пришла пора забыть о забавах и принять на себя заботы княжеские.

– А я и не против жениться, – со смехом ответил Ингвар. – Коли невеста хороша собой, я хоть завтра объявлю ее своей женой перед лицом богов. Я давно хотел поговорить с тобой об этой Хельге, что ты мне сватаешь. Говорил ты мне, она из Пскова. Давно ли ты сам ее видел?

– В прошлый мой приезд во Псков, три года тому. В ту пору ей едва минуло тринадцать.

– Три года. Сейчас ей шестнадцать, стало быть, как и мне. Да только за время минувшее могла она испортиться.

– О чем ты?

– Подурнеть могла. Девушки – они как цветы полевые; сегодня цветет, а завтра вянет.

– Хельга не могла подурнеть. Она дочь своей матери и своего отца.

– Знаю я, что воевода Ратша ее отец. Коли она в него пошла статью и лицом, сразу говорю тебе – не женюсь!

– Хельга пошла в покойную мать. А ее мать была редкой красавицей. Уж поверь мне, я хорошо знал ее.

– Давно хочу спросить тебя, Хельгер, – почему ты зовешь эту девушку Хельгой? Она ведь не норманка, русская. А имя норманнское. В чем причина?

– Мать ее была норманнкой. Так-то во Пскове все зовут ее на русский манер Ольгой, как меня здесь, в Киеве, величают Олегом.

– Тогда растолкуй мне вот еще что, Хельгер, – а почему я не могу жениться на девице более знатной? Слышал я, что дочери на выданье есть и у великого конунга датского, и у короля венгров. К чему мне жениться именно на Хельге?

– Это мое решение, – раздраженно ответил князь. – И не спорь, по-иному не будет. Твоей женой будет Хельга.

– А если она мне не глянется, что тогда?

– И тогда ты станешь ее мужем.

– Клянусь Одним! – В глазах Ингвара вспыхнул гнев, юноша невольно сжал кулаки. – Это несправедливо. Ты хочешь женить меня на уродине и не объясняешь, зачем это нужно! Ты что-то знаешь, Хельгер, и не желаешь мне о том говорить, так?

– Нет, не так. – Хельгер приблизился к юноше, положил ладони ему на плечи. – Поверь мне, сынок, Хельга совсем не уродина. Она хороша собой, и ты скоро сам это увидишь. А тайны в моем выборе нет никакой. Просто я знаю эту девочку с детства, знал ее отца и мать. С отцом Хельги мне довелось сражаться во многих походах. Мать Хельги была моей родственницей и притом редкостной красавицей. Я ее очень любил. Хочу, чтобы дочь ее обрела достойную долю.

– Раз так, – Ингвар виновато посмотрел в суровые глаза пестуна, – то я, пожалуй, встречу с ней.

– Свадьба – большое событие, к ней надо хорошо подготовиться. Направь свои помыслы на будущую свадьбу, а невесту я тебе доставлю, слово Хельгера! – Старый норманн с неожиданной нежностью потрепал Ингвара по щеке. – Вы будете счастливы, и у вас будут славные и сильные дети. Уж поверь мне!

«Конечно, я никогда ничего тебе не скажу, Ингвар-Рогволод, – думал Хельгер, возвращаясь в свои покои из сокольника, где он оставил Ингвара с его ловчими птицами. – Я не скажу тебе, что ты вовсе не сын Рюрика, а безродный смерд, найденный мной на пепелище Белоозера. Я не скажу тебе, что твой брак с Хельгой – это единственный способ вернуть дочери то, от чего так бездумно отказался ее отец. Я не расскажу тебе про мой сон. Ты не видишь будущего, а я его вижу. Грядет великая битва, и белой волчице суждено в ней участвовать. И горе мне, Хельгеру, сыну Осмунда, горе тебе, Ингвар-Рогволод, если подле нас с первого дня будущей битвы не окажется эта волчица!»

Войдя в свой покой, Хельгер сбросил пропыленный плащ и велел слуге позвать Олу. Воевода явился через несколько минут.

– Пусть воины, которых ты привел вчера из Чернигова, придут ко мне немедленно, – сказал Хельгер. – Армянин этот как?

– Ведун осмотрел его. Одно ребро треснуло, да нос сломан. Более ничего серьезного. Славный он боец, клянусь Тором. И весьма искусный.

– Хорошо. – Хельгер знаком отпустил воеводу и, уже когда Ола покинул княжеский покой, добавил, вслух высказав свою мысль: – Значит, он должен справиться с моим поручением.

Галера шла под парусом; капитан Галат решил дать гребцам отдохнуть, да к тому же с утра дул ровный северный ветер. Софроний Синаит стоял на палубе и смотрел на Киев, утопающий в зелени. Он покидал столицу руссов с облегчением; князь Хельгер позволил ему отбыть, не принуждая участвовать в языческих торжествах. Еще утром Евсевий сказал, что по Киеву ползут слухи, будто на Священной горе явилось волхвам какое-то дурное знамение. Неужели началось то, о чем предупреждал его Василий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.